

СЕРИЯ «ОВЕРКЛОКЕР РЕАЛЬНОСТИ» • КНИГА 1

НЕЙТОН ПАТЧЕР

**ОВЕРКЛОКЕР
РЕАЛЬНОСТИ**
СИСТЕМНЫЙ СБОЙ

РЕАЛРПГ • БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

Нейтон Патчер

**Оверклокер Реальности:
Системный сбой нулевого дня**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Оверклокер Реальности: Системный сбой нулевого дня /
Н. Патчер — «Автор», 2026

В один миг привычный мир перестал существовать. Земля интегрирована в общегалактическую Систему: города превратились в зоны охоты, а выжившим выданы классы и характеристики. Бывший инженер-электронщик Кирилл, прикованный к инвалидному креслу, получает оскорбительный системный статус «Брак» и смертный приговор посреди зоны высадки монстров. Но организаторы апокалипсиса не учли одного: любая цифровая Система работает на тактовой частоте, а Кирилл — мастер экстремального разгона чипов. Обнаружив системную уязвимость, он активирует «Оверклокинг» — режим многократного ускорения параметров, физики и рефлексов. Пока топ-бойцы гибнут под ударами тварей, Кирилл двигается быстрее звука, расплачиваясь за силу риском вскипятить собственную кровь. Станьте свидетелем рождения легенды! Читайте захватывающее РеалРПГ прямо сейчас!

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Нейтон Патчер

Оверклокер Реальности: Системный сбой нулевого дня

Оверклокер Реальности:

Системный сбой нулевого дня

Серия «Оверклокер Реальности» • Книга 1

Нейтон Патчер

Глава 1. День Нулевого Сбоя

Канифольный дым поднимался к закопченному плафону настольной лампы ровной, неподвижной струей, пока тонкое жало паяльника касалось контактной площадки многослойной печатной платы. Запах сосновой смолы, перегретого текстолита и изопропилового спирта для Кирилла Беркутова давно заменил все запахи внешнего мира. Этот едкий химический коктейль действовал безотказнее любого транквилизатора: он выжигал из памяти фантомную боль и глушил бессмысленную злость на собственную немощь.

Кирилл зафиксировал биноклярную лупу на переносице, прищурил левый глаз и замер. Дыхание — на полувыдохе. Пальцы правой руки держали пинцет с прецизионной точностью швейцарского часового механизма. На кончике полированной стали блеснул чип полевого транзистора в корпусе DFN-8 — размером чуть больше кунжутного зерна.

— Ну же, садись на термопасту, гад... — сквозь сжатые зубы процедил Кирилл.

Термофен бесшумно подавал струю воздуха, прогретую строго до двухсот сорока градусов Цельсия. Припой марки ПОС-61 на контактах подложки мгновенно потерял матовость, превращаясь в идеальные ртутные капли. Поверхностное натяжение само втянуло кремниевую пластину на посадочное место, выровняв дорожки с микронным допуском. Идеальная центровка. Ни одного паразитного мостика.

Беркутов убрал нагреватель, выждал ровно пять секунд до фазового перехода олова в твердое состояние и с облегчением откинулся назад.

Спинка инвалидной коляски привычно скрипнула под весом его торса. Стальной обод ручного привода охлаждал левую ладонь. Колеса с кастомными титановыми спицами, которые он сам собрал и отбалансировал в этой же комнате, мягко спружинили.

Ниже одиннадцатого грудного позвонка Th11 тело Кирилла представляло собой мертвый балласт. Два года назад на экспериментальной производственной линии полупроводникового кластера под Академгородком лопнул автоклав химического осаждения из газовой фазы. Сверхвысокое давление, перегретый пар и сорванная с направляющих полутонная титановая крышка шлюза. Кирилл закрыл собой молодую лаборантку, успел вытолкнуть ее за гермодверь, но сам попал под удар летящего среза бронеплиты.

Диагноз нейрохирургов научно-исследовательского института травматологии и ортопедии прозвучал коротко, сухо и окончательно, словно акт списания вышедшего из строя осциллографа: анатомический перерыв спинного мозга, параплегия нижних конечностей, необратимая дегенерация нервных стволов.

«Медицина здесь бессильна, молодой человек. Учитесь жить в сидячем положении. Оформим бессрочную инвалидность первой группы».

Жить в сидячем положении Кирилл не собирался. Он превратил двухкомнатную квартиру на четвертом этаже типовой панельной девятиэтажки возле Красного проспекта в инженерный бункер и испытательную лабораторию экстремального оверклокинга.

Вдоль стен громоздились стеллажи с разобранными серверами, промышленными источниками питания, катушками бескислородной меди и фторопластовыми шлангами. В углу мерно шипел полупустой сосуд Дьюара с остатками жидкого азота на сорок литров. На верстаке, сваренном из швеллеров для гашения паразитных вибраций, стоял его главный проект — кастомный стенд с открытым контуром криогенного испарителя. На нем Кирилл разгонял кремниевые кристаллы до частот, на которых стандартная физика твердого тела начинала трещать по швам, требуя ювелирного контроля питающих фаз напряжения и отвода колоссального тепловыделения.

В микроэлектронике всё подчинялось незыблемым правилам. В отличие от человеческого социума, выбросившего покалеченного инженера за борт, транзисторы не лгали. Либо напряжение пробоя соблюдено, либо переход сгорает. Либо тепловой баланс сведен в ноль, либо кристалл деградирует от термоудара. Всё логично. Всё подчинено формулам.

Кирилл потянулся к мультиметру Fluke, чтобы замерить сопротивление на линии питания графического процессора, но в этот момент тонкая струйка канифоленного дыма над жалом паяльника дернулась.

Она не рассеялась сквозняком. Она замерла.

Физика движения взвешенных микрочастиц в воздухе нарушилась с пугающей противоестественностью. Дым застыл в пространстве, распавшись на дискретные кубические воксели, словно в трехмерном графическом редакторе внезапно понизили разрешение рендеринга.

— Что за... — выдохнул Кирилл.

В воздухе нарастал низкочастотный гул. Это не было механической вибрацией от проезжающего по Красному проспекту тяжелого грузовика или поезда метро. Частота колебаний составляла ровно пятьдесят герц, но исходила не от трансформаторных подстанций. Звук рождался непосредственно в костях черепа, резонируя с зубной эмалью и глазными яблоками.

Светодиодная лампа над верстаком моргнула и сменила цветовую температуру: ровный белый свет сменился жестким, ультрамариновым свечением.

За окном раздался странный, сухой треск — звук рвущейся гигантской мембраны.

Кирилл крутанул обода колес, развернул коляску на сто восемьдесят градусов и подъехал к подоконнику, смахнув локтем пластиковую коробку с резисторами. Сотни мелких деталей посыпались на линолеум, но упали без привычного шелеста — звук удара дошел до ушей с задержкой в целую секунду, как при чудовищном рассинхроне аудиодорожки в дешевом плеере.

Небо над Новосибирском исчезло.

Вместо привычной осенней хмари, затянутой низкими серыми тучами над кронами тополей, атмосферу рассекала гигантская геометрическая сетка. Миллиарды светящихся полигонов золотисто-лазурного цвета расчертили купол планеты на идеальные треугольники и трапеции. Они пульсировали, сжимаясь и расширяясь с ритмом цифрового тактового генератора. Казалось, кто-то содрал текстуры с неба реальности, обнажив каркасный каркас чудовищной, планетарных масштабов симуляции.

В следующую долю секунды на перекрестке внизу замерло движение.

Сотни двигателей внутреннего сгорания заглохли одновременно. Ударные волны электромагнитных импульсов разорвали трансформаторы на уличных столбах: по всему горизонту, от Заельцовского парка до поймы Оби, вспыхнули бирюзовые факелы коротких замыканий. Но дым от горящих подстанций не поднимался вверх. Он застыл правильными геометрическими пирамидами.

Автомобили по инерции врезались друг в друга. Лязг сминаемого железа, звон разбитого триплекса, истошные крики прохожих — всё это доносилось снизу словно сквозь толщу вязкого минерального масла.

В глазах Кирилла вспыхнула резкая, режущая боль. Сетчатка зафиксировала поток двоичного кода, пробивающегося прямо через зрительные нервы.

Пространство внутри комнаты сгустилось. Пылинки, висящие в воздухе, вспыхнули золотыми искрами и выстроились в ровные линии развертки. Затем тишину разорвал звук. Он не имел источника, звуча одновременно снаружи, внутри комнаты и в самых глубоких пластах подсознания. Этот голос сочетал в себе холодную мощь квантового суперкомпьютера и безжалостный металл аппаратного терминала.

[Система: Глобальная директива инициализирована]

[Обнаружен биологический сектор: Сол-3 / Идентификатор: Терра]

[Текущий статус планетарного узла: Первичная дефрагментация]

[Земля включена в общегалактический реестр Интеграции. Протокол нулевого сбоя активирован]

[Инициализация базовых параметров биологических единиц. Синхронизация тактовой частоты биомассы...]

Слова не произносились на русском языке, но расшифровывались непосредственно языковыми центрами коры головного мозга. Каждая буква отпечатывалась вспышкой боли за глазами яблоками.

В воздухе перед Кириллом возник полупрозрачный лазурный луч толщиной с палец. Он ударил из ниоткуда, пробил оконное стекло без трещин и сколов, словно материя перестала иметь кристаллическую решетку, и уперся точно в центр его грудины.

Кирилла бросило назад, впечатав в спинку кресла. Воздух вышибло из легких. Мышцы свело судорогой такой силы, что титановые подлокотники затрещали под его пальцами.

Луч не обжигал кожу физическим теплом. Он действовал как пучок высокоэнергетических нейтронов в томографе сверхвысокого разрешения. Кирилл буквально физически ощущал, как холодный сканирующий фронт проходит сквозь кожу, рассекает фасции, просвечивает ребра и погружается в позвоночный столб.

Там, где когда-то хирурги собирали по кускам раздробленные дужки одиннадцатого и двенадцатого позвонков, сканирующий луч замедлился. В спину словно вогнали раскаленный добела титановый штырь.

Перед глазами развернулся системный интерфейс. Он не походил на мультяшные меню видеоигр. Это был строгий, минималистичный дисплей отладки низкоуровневого ассемблера, набранный моноширинным светящимся шрифтом поверх сетки полигонов реальности.

[Лог сканирования: Аппаратная диагностика носителя]

[Объект: Кирилл Андреевич Беркутов]

[Биологический возраст: 29 стандартных оборотов]

[Нейронная плотность: Высокая (аномалия аналитического кластера)]

[Физическая целостность каркаса: 12.4%]

[Критический дефект шины передачи данных: Прерывание спинномозгового тракта на уровне Th11-Th12]

[Нейромышечная проводимость нижнего сегмента: 0.00%]

[Опорно-двигательный ресурс: Критически поврежден / Автономность: Нулевая]

[Боевой потенциал носителя: 0.03%]

[Расчетный индекс адаптации: Ничтожный]

Буквы мерцали холодным фосфорным светом. Кирилл смотрел на строчки диагностики, и ледяная ярость закипала внутри, вытесняя страх. Два года врачебных комиссий, унижительных справок, равнодушных взглядов чиновников от медицины — и теперь какая-то космическая вычислительная машина повторяет то же самое на своем цифровом диалекте!

Луч сфокусировался на поврежденном участке позвоночника. В голове раздался щелчок сработавшего компаратора.

[Вердикт системного распределителя: БРАК]

[Категория классификации: Неликвидный биоматериал]

[Базовый класс: ОТСУТСТВУЕТ]

[Выделение системного пакета инициализации (Стартовый боекомплект / Регенерация / Атрибуты): ОТКЛОНЕНО]

[Обоснование: Низкая окупаемость вычислительных затрат. Прогнозируемое время утилизации единицы в условиях конвергенции: 14 минут]

[Потенциал выживания: Минимальный]

— Брак?.. — прохрипел Кирилл. Кровь прилила к вискам. Вены на шее вздулись толстыми жгутами. — Неликвидный компонент?! Ах ты бестолковая кремниевая железяка... Ты кого на свалку списать решила?!

Системный луч мигнул, словно натолкнулся на неописанную в коде реакцию. Большинство людей под таким сканированием падали на колени, парализованные первобытным ужасом перед непостижимым. Но Беркутов всю сознательную жизнь провел в отладке сбоящих микросхем. Для него любая система — какой бы грандиозной она ни казалась — оставалась всего лишь набором логических вентилях, тактовых генераторов и шин адресации. А любая логика имеет уязвимости. Нулевые дни. Ошибки переполнения буфера.

Лазурный луч начал таять, сворачиваясь в точку, но Кирилл не отвел взгляд. Он вцепился мысленным взором в гаснущую строку системного меню, словно пытаясь перехватить прерывание процессора на аппаратном уровне.

[Внимание: Сбой адресации потока]

[Нераспознанная обратная связь по сенсорному каналу]

[Поток сброшен. Режим изоляции]

Луч исчез.

В ту же секунду планету тряхнуло.

Удар пришел снизу, из глубин континентальной плиты. Панельный дом застонал всеми своими железобетонными швами. С потолка посыпалась серая пыль и куски побелки. Оконные стекла завибрировали с визгливым звоном. На кухне с полок с грохотом полетела посуда.

Кирилл удержал коляску, зажав колеса стояночным тормозом и ухватившись за массивный угол лабораторного верстака. Металлическая станина выдержала толчок.

За окном взревела земля.

Красный проспект разорвало пополам.

В полукилометре от дома Кирилла, прямо поперек шестиполосной магистрали, асфальтовое полотно вздыбилось многометровыми торосами, словно лед на Оби во время ледохода. Земля треснула с оглушительным звуком, похожим на выстрел корабельного орудия. Трещина шириной в десяток метров и глубиной в черную бездну протянулась вдоль проспекта, поглощая припаркованные машины, рекламные щиты и фонарные столбы.

Из глубин разлома в небо ударил столб густого фиолетово-черного марева. Это был не дым. Воздух над трещиной дрожал от запредельной концентрации чужеродной энергии, искрящейся статическими разрядами.

[Система: Внимание! Зафиксировано открытие Разлома Конвергенции первого ранга]

[Сектор: 54-НСК-Центр]

[Фаза десантирования фауны Изнанки: 00:00:00]

[Инициация кормового цикла]

Из фиолетовой мглы на асфальт выметнулось первое тело.

Даже с расстояния четвертого этажа Кирилл разглядел его во всех леденящих кровь деталях через оптику своего бинокля, который он торопливо поднес к глазам.

Существо напоминало чудовищную смесь богомола, псового хищника и глубоководного ракообразного. Длиной около двух метров, на шести суставчатых конечностях, заканчивающихся серповидными хитиновыми лезвиями. Панцирь цвета вороненой оружейной стали не отражал свет, а словно поглощал его. Вместо морды — сегментированная маска жвал, из-под которой хлестала пенистая желтоватая сукровица. Но страшнее всего была динамика твари.

Она двигалась не плавно, как земные животные. Ее перемещения напоминали стробоскопический эффект: рывок — исчезновение — материализация на десять метров впереди.

«Высокая скорость кадров, — механически зафиксировал мозг Кирилла, отсекая панику чистым расчетом. — Аномальный множитель перемещения. Пространственная интерполяция нарушена. Она перемещается рывками, фазуясь сквозь физические координаты».

Из разлома полезли вторые, третьи, десятки тварей.

На проспекте начался кромешный ад. Люди, выскочившие из заглохших автомобилей, в панике бросились врассыпную. Женщина в светлом пальто споткнулась о бордюрный камень. Тварь настигла ее в один стробоскопический скачок. Хитиновый серп взметнулся и опустился с сухим хрустом перерубаемых костей. Крик оборвался мгновенно.

Твари не просто убивали. Они пожирали тела с лихорадочной, механической жадностью, и с каждым поглощенным куском их хитиновые панцири начинали светиться изнутри багровыми капиллярными линиями.

[Лог: Фиксация поглощения органического углерода единицами типа: «Пепельный Потрошитель, Ранг F»]

[Эволюционный потенциал инвазивного вида возрастает]

В подъезде панельного дома раздался первый истошный вопль.

Звуковая изоляция в хрущевках и брежневках всегда была условной, но сейчас бетонные перекрытия передавали каждый шорох, каждый удар с акустической четкостью мембраны динамика.

Захлопали металлические двери. Загремели замки.

— Вася, бегом! Бросай вещи, бери документы и детей! — визжал женский голос этажом выше.

— Лифт сдох! Сука, лифт встал между третьим и вторым! По лестнице, через запасной выход! — орал сосед с пятого этажа, майор в отставке Степанов.

Тяжелый топот десятков ног сотряс лестничные пролеты. Люди неслись вниз, сметая всё на своем пути. Кто-то упал, послышался глухой удар, детский плач, площадной мат. Двери подъезда внизу распахнулись с грохотом выбитого железа.

Мимо двери квартиры Кирилла пронеслась семья соседей. Он отчетливо услышал, как за тонкой стальной обшивкой тяжело дышит Степанов.

— Степаныч! — крикнул Кирилл, подъехав к прихожей. Голос звучал ровно, без мольбы, предельно собрано. — Степаныч, что на улице?!

Шаги за дверью замерли на долю секунды. Кирилл услышал сбивчивое дыхание соседа.

— Беркутов?.. Ты там? — голос отставника дрожал мелкой, позорной дрожью. — Там... там черти из-под земли лезут, Кирюха! Людей рвут на куски! Армия где-то... надо к метро бежать, там бомбоубежище!

— У меня коляска, Степаныч. Помоги спуститься по маршу. Я верстак оставлю, только помоги с коляской.

Пауза за дверью длилась ровно три удара сердца. Три тика системного таймера, который словно отсчитывал остаток человечности в мире.

— Не могу, парень... — сипло выдавил сосед. — Прости, Христом богом молю, прости! У меня внучка на руках! Мы сами не добежим... Ты всё равно... тебе не уйти, Кирюха!

Топот возобновился с удвоенной силой. Шаги майора и плач его внучки стремительно удалялись вниз по лестнице, пока не потонули в общем гуле паникующей толпы.

Кирилл остался стоять — точнее, сидеть — посреди тесной прихожей.

Тишина, наступившая в подъезде после бегства жильцов, была неестественной, мертвой. Воздух стал плотным, как застывающий силиконовый компаунд.

«Прогнозируемое время утилизации единицы: четырнадцать минут», — всплыла перед глазами строчка проклятого системного лога.

Кирилл посмотрел на свои неподвижные ноги в старых спортивных штанах. Мышцы бедер атрофировались за два года, колени заострились. Чтобы спуститься по лестнице без посторонней помощи, ему потребовалось бы ползти на руках, волоча парализованную нижнюю половину тела по грязным ступеням. На это ушло бы полчаса. Внизу, на открытом пространстве двора, инвалид на брюхе стал бы легкой закуской для первой же шестиногой твари из Разлома.

Он был заперт. Четвертый этаж. Отрезанный сектор. Неликвидный брак, оставленный в зоне зачистки.

Губы Кирилла искривились в холодной, злой усмешке.

— Утилизация, значит?.. — тихо прошептал он, разворачивая коляску обратно в комнату-лабораторию. — Списание по непригодности? Хрен вам в процессорный сокет.

Инженер не паникует. Инженер проводит инвентаризацию ресурсов, оценивает граничные условия задачи и вычисляет критические точки отказа.

Он въехал в центр лаборатории и зафиксировал колеса. Взгляд метнулся по полкам, моментально классифицируя предметы не по их бытовому назначению, а по физико-химическим поражающим свойствам:

Первое: сосуд Дьюара. Сорок литров жидкого азота. Температура кипения — минус сто девяносто шесть градусов. Огромное давление при мгновенном переходе в газообразную фазу. Если закупорить горловину и подогреть — идеальная криогенная бомба объемного действия.

Второе: блок высоковольтных конденсаторов от промышленного импульсного лазера, который Кирилл восстанавливал по заказу одного из закрытых институтов. Батарея емкостью сорок тысяч микрофарад, рассчитанная на напряжение до пяти киловольт. Накопленная энергия — порядка полумиллиона джоулей. В замкнутом контуре это чудовищный электромагнитный разрядник.

Третье: медные тепловые трубки, бухты силового кабеля сечением пятьдесят квадратных миллиметров, баллон с аргоном для сварки, полтора литра безводного изопропилового спирта и набор скальпелей из инструментальной стали У10А.

И самое главное.

Кирилл закрыл глаза и сосредоточился на внутреннем пространстве собственного сознания.

Там, где системный луч пробил его ментальный барьер и попытался разорвать соединение после вердикта «Брак», осталась брешь. Система не смогла чисто закрыть сессию. Для квантового вычислителя столь низкоуровневый органический мусор просто не стоил лишней команды «Close Socket». Поток остался висеть в памяти как потерянный дескриптор, как висячий указатель в плохо написанном коде ядра!

Кирилл почувствовал его. Тончайшая, едва заметная информационная шина, соединяющая его подкорковые центры с фоновым системным полем реальности.

Он потянулся к ней своим инженерным, натренированным на анализ схемотехники разумом.

Перед внутренним взором мгновенно возникла консоль отладки. Но теперь она была другой. Вместо золотистого системного интерфейса Кирилл увидел сухие строки аппаратных регистров, переведенные его восприятием в привычные термины микроэлектроники.

[Лог: Несанкционированный доступ к шине нижнего уровня]

[Обнаружен нештатный перехватчик прерываний]

[Идентификатор процесса: User_Override_0x00]

[Базовая тактовая частота системного квантования реальности: Tick_Rate = 100 Hz]

[Множитель частоты процессора носителя (Clock_Multiplier): 1.0x]

[Тепловыделение ядра (Current_TDP): 45 Watt]

[Критический тепловой порог биологической оболочки: 105 Watt]

— Тактовая частота реальности... сто герц, — выдохнул Кирилл. Сердце пропустило удар. — Каждый системный «тик» длится десять миллисекунд. Вся их магия, все скачки этих тварей, все расчеты траекторий — это просто дискретные циклы процессора!

Твари перемещались рывками именно поэтому: их множитель частоты был выше единицы! Они обрабатывали свои перемещения на частоте двести, может быть, триста герц, совершая два или три действия за один стандартный тик человеческого восприятия. Для обычного человека они казались телепортирующимися призраками. Но для процессора с правильной настройкой частоты они были всего лишь объектами с линейной интерполяцией координат!

А что, если поднять частоту?

Кирилл нащупал параметр [Clock_Multiplier: 1.0x].

Рядом пульсировало грозное предупреждение, мерцающее темно-багровым цветом:

[Предупреждение: Принудительный разгон биомассы без системного радиатора приведет к лавинообразному росту тепловыделения TDP]

[Риск термического некроза нейронов: 89%]

[Риск вскипания электролитов крови: Высокий]

— Плевать на риск, — оскалился Беркутов. — Если сидеть на штатной частоте, меня сожрут через семь минут. Лучше сгореть от переразгона, чем сдохнуть неликвидным браком. Входная подъездная дверь внизу заскрежетала.

Звук был страшным. Металлическая дверь подъезда с кодовым замком, сваренная из двухмиллиметровой стали, лопнула с визгом рвущейся консервной банки.

В темный проем лестничной клетки вползло нечто тяжелое, многоногое и голодное.

Хитиновые когти заскребли по бетонным ступеням первого этажа. Цок-цок-цок. Звук раздавался с ритмичной, неотвратимой методичностью. Тварь не спешила. Она обнюхивала воздух, насыщенный запахом свежей человеческой крови, страха и экскрементов, оставшихся после бегства жильцов.

Она поднялась на второй этаж. Дверь квартиры Степанова была выбита одним мощным боковым ударом — обломки ДСП с грохотом полетели в коридор. Тварь исследовала пустые комнаты, не нашла добычи и вновь вернулась на лестничную клетку.

Цок. Цок. Цок.

Третий этаж.

Тварь почуяла тепло.

На четвертом этаже, за стандартной деревянной дверью, обитой дерматином, горела жизнь. Тело Кирилла, несмотря на неработающие ноги, генерировало инфракрасное излучение. А еще сильнее фонили разогретый паяльник, импульсные блоки питания и не заземленный контур конденсаторной батареи. Для хищника из Разлома этот фон был словно маяк в ночном океане.

Тяжелое тело остановилось прямо перед дверью квартиры Беркутова.

В щель под порогом потянуло запахом тухлого белка, озона и серы. Раздалось низкое, kloкочущее шипение. Суставчатая лапа с серповидным когтем длиной в сорок сантиметров пробила фанерную обшивку двери насквозь, вырвав кусок синтепонового утеплителя.

Когти вошли в замок, сминая латунные цилиндры секретки.

Кирилл сидел в коляске в пяти метрах от двери, строго по центральной оси прихожей.

На коленях у него лежал толстый силовой кабель с оголенными медными жилами сечением в палец. Второй конец кабеля уходил к батарее конденсаторов, подключенной напрямую к повышающему трансформатору. Рубильник замыкания цепи был зажат в его левой руке. В правой руке Кирилл держал открытый металлический дюаровский сифон с гибким шлангом, откуда сочился белесый, стелющийся по полу пар жидкого азота.

Его дыхание выровнялось. Глаза стали ледяными, зрачки расширились во всю радужку.

Внутренняя консоль отладки ждала его команды.

[Готовность к модификации тактовой частоты]

[Текущий статус носителя: Зафиксирован контакт с враждебной единицей]

[Тип цели: Пепельный Потрошитель. Уровень интеграции: 3]

— Ну давай, падаль, — прошептал Кирилл, наводя сопло криогенного шланга на дверной проем. — Заходи на диагностику. Сейчас мы проверим твой тепловой пакет на максимальной нагрузке.

Дверь с треском распахнулась внутрь квартиры, сорванная с петель мощнейшим ударом хитинового тарана. В клубах серой пыли и щепок на пороге возникла уродливая многоглазая морда твари из Бездны. Ее жвалы раскрылись, обнажая ряды зазубренных игл, и комната утонула в ультразвуковом визге атакующего хищника.

Палец Кирилла вдавил рубильник. Мысленный триггер замкнул системную шину.

[Оверклокинг активирован!]

[Clock_Multiplier: 2.5x!]

[Tick_Rate для носителя: 250 Hz!]

[Термоконтроль: Внимание! Рост TDP: 180 Watt! Фаза перегрева!]

Реальность вокруг застыла. Лепнина щепок повисла в воздухе. Визг твари превратился в низкий, тягучий утробный бас.

Битва за выживание бракованного инженера началась.

Глава 2. Разлом на Ленина

Двести пятьдесят герц — это ад, упакованный в сотые доли секунды.

Человеческое тело никогда не проектировалось под такую тактовую частоту. Когда внутренняя шина твоего восприятия разгоняется в два с половиной раза быстрее базовой частоты вселенной, биологический кремний мозга начинает буквально вскипать в собственной черепной коробке.

Воздух в прихожей мгновенно загустел, превратившись в вязкий, холодный глицерин. Взвесь древесной трухи и рваного поролона от выбитой входной двери замерла в полуметре от пола. Щепки не падали — они лениво, словно в невесомости, дрейфовали по спиральным траекториям завихрений ударной волны.

Рев чудовища опустился в неслышимый человеческим ухом инфразвуковой диапазон, обратившись в тяжелую, вибрирующую в диафрагме дрожь: «У-у-у-р-р-р-х-х-м-м-м...»

[Оверклокинг: Активен]

[Текущая тактовая частота восприятия: 250 Hz]

[Внимание! Термоконтроль: Рост TDP — 182 Watt]

[Температура ядра: 39.8°C. Критическая зона теплового пакета!]

В висках Кирилла словно разорвались две раскаленные паяльные лампы. Склеры глаз обожгло острой болью — внутриглазное давление подскочило до предела, мелкие капилляры лопнули, окрашивая периферию зрения в мутный багровый оттенок. Из левой ноздри на верхнюю губу толчками потекла горячая темная кровь, но из-за замедления времени она не стекала вниз, а собиралась у крыла носа набухающей рубиновой сферой.

Но пальцы слушались. В режиме разгона задержка прохождения нервного импульса упала с тридцати миллисекунд до ничтожных двенадцати.

Тварь уже была внутри.

[Идентификация цели: Пепельный Потрошитель. Подвид: Хитиновый Сталкер]

[Уровень интеграции: 3]

[Класс угрозы: Локальный хищник Бездны / Чистильщик биомассы]

Она не была похожа на земных насекомых, хотя анатомия явно копировала принципы членистоногих. Двухметровая туша, сплюснутая по горизонтали, опиралась на шесть коленчатых конечностей, покрытых сегментированным черным хитином. Панцирь не блестел — он поглощал свет, словно был отлит из прессованной сажи и углеродного волокна. У монстра не было глаз в привычном понимании. На месте лобных долей пульсировали глубокие каверны тепловизионных рецепторов, затянутые тонкой сиреневой мембраной, а чуть ниже непрерывно вибрировали гибкие, покрытые мелкими шипами щупы-локаторы. Жвалы — тяжелые, зазубренные серпы из минерализованной кости — раскрывались горизонтально, обнажая глотку, высланную концентрическими кольцами игловидных зубов.

Она неслась вперед с массой разогнавшегося мотоцикла. Даже спрессованное в два с половиной раза время не могло скрыть чудовищную кинетическую энергию этого броска: пол под лапами сталкера трескался, линолеум сдирало пластами до бетонной плиты перекрытия.

Кирилл не молился. Молитва — это неэффективный алгоритм с нулевой пропускной способностью.

Его левая рука завершила движение рубильника. Медный нож соприкоснулся с губками контактора.

Щелк.

Четыре электролитических конденсатора повышенной емкости, соединенные по мостовой схеме с удвоением напряжения, отдали накопленный заряд в миллионную долю секунды. Ток короткого замыкания силой в триста ампер ринулся по толстым медным шинам к импровизированному разряднику, закрепленному на направляющих прямо перед инвалидным креслом.

Ослепительная, фиолетово-белая дуга вспыхнула между контактами, породив сухой, оглушительный треск искусственной молнии. Запахло чистым, ядовитым озоном и жженым воздухом. Высоковольтный импульс ударил точно в раскрытую пасть сталкера, когда тот находился в полтора метра от Кирилла.

Хитин на челюстях монстра мгновенно вспоролся, покрывшись сеткой микротрещин. Электрический пробой прошел нервные ганглии твари, вызвав судорожное сокращение мышечных волокон. Ее передние лапы подкосились, заскребли по бетону, высекая искры.

В тот же миг правая рука Кирилла сжала клапан сифона.

Жидкий азот с температурой кипения минус сто девяносто шесть градусов по Цельсию ударил плотной белесой струей прямо в расщелину между головным щитком и грудным панцирем твари. Криогенная жидкость, встретившись с перегретой плотью и кипящей от электрического удара гемолимфой, среагировала мгновенным объемным расширением.

Физика фазового перехода неотвратима: один литр жидкого азота при испарении образует около семисот литров газа.

Раздался глухой хлопок кавитационного взрыва. Хрупкий от запредельного холода хитин разорвало на сотни острых стеклянистых осколков. Сиреневая слизь, заменявшая сталкеру кровь, замерзла на лету, осыпаясь на пол градом ледяных шариков.

Но запас энергии в системе иссяк.

[Предупреждение! Критический перегрев нейросети носителя!]

[TDP превысил допустимый порог: 215 Watt!]

[Срабатывание тепловой защиты: Аварийный троттлинг!]

[Принудительный сброс множителя: Clock_Multiplier -> 1.0x]

[Tick_Rate: 100 Hz]

Мир с оглушительным грохотом сорвался с тормозов.

Замедление лопнуло, словно натянутая струна. Звуковая волна ударила по барабанным перепонкам с силой разорвавшейся гранаты. Кирилл захлебнулся собственным криком, когда температура в голове перешагнула болевой порог: казалось, в его гипоталамус вогнали раскаленный докрасна гвоздь.

Время вернулось к своей убогой, медлительной, стогерцовой норме. И в этой норме двухсоткилограммовая туша монстра, даже потеряв часть челюсти и ослепнув от электрической дуги, сохранила чудовищный линейный импульс.

Сталкер не упал. Он просто рухнул вперед, подчиняясь первому закону Ньютона.

Кирилл успел только выставить перед собой левую руку, инстинктивно защищая грудную клетку, когда контуженная, изрыгающая дым и морозный пар тварь врезалась в инвалидную коляску.

Удар был страшен.

Титановые трубки каркаса коляски, рассчитанные на вес взрослого человека с тройным запасом прочности, согнулись, словно были сделаны из пивных банок. Спицы левого колеса брызнули веером, пробивая обои. Кресло вывернуло наизнанку, подбросило вверх и вместе с Кириллом выбросило из прихожей наружу — через выбитый дверной проем прямо на цементный пол лестничной клетки четвертого этажа.

Тело Кирилла ударилось о стену возле ряда почтовых ящиков. Жестяные дверцы с грохотом помялись, осыпая лестницу старыми счетами за коммуналку и желтыми рекламными газетами.

Воздух с сиплым хрипом вышибло из легких. Кирилла скрутило на боку. Правое плечо пронзила ледяная, острая боль — вывих ключицы или трещина. Нижняя половина тела, лишенная чувствительности после давней аварии на мостовом переходе, осталась безвольной массой: ноги просто перехлестнулись на грязных ступенях, не подавая никаких сигналов боли, но лишая всякой возможности сгруппироваться или встать.

Коляска — его единственное средство передвижения, его инженерная платформа — валялась в дверях искореженным комком дюралюминия и разорванных проводов. Конденсаторы были разбиты, азотный сифон с шипением стравливал остатки белого газа в потолок прихожей.

Он остался один. На полу. Без подвижности. С неработающим приводом нижних конечностей.

Из квартиры, волоча разбитую лапу и скребя уцелевшими когтями по бетону, выползал сталкер.

Тварь была тяжело ранена, но не убита. Жидкий азот выморозил ее обонятельные рецепторы, электрическая дуга обуглила левую сторону челюсти, обнажив розоватые, судорожно сокращающиеся связки. Из разорванного панциря на груди толчками сочилась едкая, фосфоресцирующая жижа, которая с шипением разъедала советский линолеум, поднимая едкий белый дымок.

Чудовище издало скрежещущий, захлебывающийся щелчок. Оставшиеся четыре локатора на макушке бешено завибрировали, настраиваясь на акустический шум — на тяжелое, свистящее дыхание Кирилла.

Оно повернуло плоскую голову в его сторону.

Шансов не оставалось. Чистая математика выживания выдавала нулевую вероятность положительного исхода. Кирилл судорожно провел здоровой рукой по поясу. Монтажный пояс уцелел. На нем в кожаной петле висела пластиковая бутылка с узким носиком — активный паяльный флюс ЛТИ-120 на основе этилового спирта, канифоли и триэтаноламина солянокислого, смешанный для агрессивной пайки с чистым изопропилом и щепоткой солей гидразина.

Рядом, на стальном карабине, болталась компактная газовая горелка с пьезоподжигом, заправленная высокооктановой пропан-бутановой смесью.

Инженерный рефлекс сработал быстрее, чем мозг успел сформировать пораженческую мысль. В любой непонятной ситуации — используй химию и теплопередачу.

Сталкер сделал рывок. Две центральные лапы вонзились в ступени, круша железобетонную кромку. Тварь нависла над Кириллом, разевая уцелевшую половину пасти. В воздухе запахло тухлым мясом, формалином и едкой химической гарью.

Кирилл зубами сорвал защитный колпачок с бутылки.

— Жри, системная ошибка! — прохрипел он сквозь кровавую пену на губах.

Сжав полулитровую емкость обеими руками изо всех сил, он направил струю прямо в развороченную, сочащуюся слизью рану на груди монстра и в его раскрытые внутренние дыхальца.

Спиртовой раствор ударил под давлением, заполняя поврежденные ткани. В ту же секунду большой палец правой руки вдавил клавишу пьезоподжига на горелке.

Щелчок искры.

Химический коктейль вспыхнул мгновенно. Спирт дал объемную вспышку, а гидразин превратил пламя в ревущий факел температурой под тысячу градусов. Огонь жадно вцепился в открытую органику, канифоль закипела, спекая нежные ткани внутренних органов твари в черный обугленный ком.

Сталкер взвыл.

Это не был звук живого существа — это был ультразвуковой визг перегруженной циркулярной пилы, режущей броневую сталь. Звуковая волна ударила по стенам подъезда. На третьем и пятом этажах зазвенели выбитые стекла деревянных оконных рам. Штукатурка с потолка посыпалась густым белым градом.

Чудовище забилося в агонии, его лапы забарабанили по полу, выбивая из бетона целые куски щебня. Один из слепых ударов пришелся Кириллу в бедро. Парализованная нога дернулась, ткань штанов разошлась под острым краем, но кость, к счастью, выдержала скользящий контакт.

Тварь металась, размазывая горящую химию по стенам, превращая лестничную площадку в филиал крематория. Черный, удушливый дым заполнил узкое пространство между этажами за считанные секунды. Стало нечем дышать. Каждый вдох обжигал трахею гарью и испарениями соляной кислоты, выделявшейся при горении флюса.

Через разбитое окно лестничного пролета ворвался ледяной сибирский сквозняк, принесший звуки внешнего мира.

И этот мир за стенами дома умирал.

Новосибирск накрыло волной катастрофы. В разрыв между домами на улице Ленина открывалась панорама центральной части города. Небо над оперным театром и Красным проспектом больше не было серым осенним куполом. Его распорол колоссальный вертикальный разлом — ветвящаяся трещина ультрафиолетового, нездешнего свечения, уходящая в стратосферу. От нее исходил непрерывный, давящий низкочастотный гул, похожий на работу гигантского повышающего подстанции, замкнутой накоротко.

Внизу, во дворе панельных пятиэтажек, царил первобытный хаос.

На обледенелом асфальте горели брошенные автомобили. Вой автомобильных сигнализаций сливался в единый сплошной стон, перебиваемый сухими, частыми хлопками автоматных очередей со стороны Октябрьской магистрали — там сводный отряд полиции или остатки внутренних войск безуспешно пытались сдержать прорыв тварей первой волны.

— Назад! Назад, сука, держи сектор! — донесся снизу хриплый, усиленный мегафоном мат.

Кирилл сквозь дым и звон в ушах скосил глаза в разбитое окно.

У мусорных контейнеров во дворе разворачивалась еще одна бойня, куда более мерзкая, чем атака слепого зверя. Шестеро крепких мужиков в темных камуфляжных куртках, с белыми строительными повязками на рукавах и охотничьими карабинами «Сайга» в руках деловито оттесняли жильцов к трансформаторной будке. На куртках мародеров желтой аэрозольной краской был выведен трафаретный символ: перечеркнутый круг и косая буква «П».

Банда Бурова. Охранники торгового центра и мелкий криминалитет с барахолки, мгновенно сколотившие группировку «Новый Порядок», пока официальная власть захлебывалась в собственной беспомощности.

— Стволы на землю, твари! — орал рослый амбал в расстегнутом бронежилете, прикладом сбивая с ног пожилого мужчину. — Все запасы, жратву, бензин — в «Газель»! Кто рыпнется — спишем на монстров! Буров сказал, теперь здесь закон — это мы!

Чуть поодаль, прижавшись к бетонной стойке выбитых дворовых качелей, сидела девушка в разорванной дубленке — Диана, студентка меда с третьего этажа, которую Кирилл часто видел с конспектами на лавочке. Возле нее уже крутился один из шакалов Бурова с укороченным ружьем наперевес, глумливо скалясь и перехватывая ее за капюшон.

— Куда побежала, птичка? К нам иди, пригреем...

Мир рушился по обе стороны оконного стекла. Человеческое скотство накладывалось на космический сбой системного масштаба. Но чтобы добраться до улицы, чтобы хоть что-то изменить, Кириллу нужно было пережить следующие три секунды.

Потому что огонь на морде сталкера начал гаснуть.

Хищник не сдох. Органика чудовищ Бездны обладала колоссальной способностью к коагуляции. Обуглившиеся ткани выделили толстый слой серозной защитной корки, погасившей пламя. Ослепший, полусожженный, обезумевший от боли зверь перестал метаться.

Он замер.

Его уцелевшая правая серповидная лапа — массивная, тяжелая, как рельс, и острая, как скальпель хирурга — медленно поднялась вверх, упираясь концом в бетонный потолок лестничной клетки. С острия капала густая темная сукровица.

Сталкер нащупал цель. Он слышал каждый стук сердца Кирилла, каждый судорожный хрип его обожженных легких.

Откат от паяльного флюса закончился. Руки Кирилла дрожали от истощения. Правое плечо онемело. Отползти он не мог: спина упиралась в глухую бетонную стену под почтовыми ящиками. Ноги оставались холодным, неподвижным балластом.

Смерть была в миллиметре. В одном прямом нисходящем движении костяного лезвия.

Лапа сталкера напряглась, аккумулируя гидравлическое давление во внутренних полостях сочленений. Мышцы натянулись струнами.

Острие пошло вниз.

Траектория удара вела строго в центр грудины Кирилла, прямо сквозь ребра — к левому желудочку сердца.

В этот абсолютный миг безнадежности, когда биологическая эволюция человека исчерпала все свои аргументы, в глубине черепа Кирилла что-то щелкнуло.

Это не было похоже на страх. Это был щелчок размыкания реле. Адреналиновый всплеск такой чудовищной плотности пробил все химические синапсы, что сознание вылетело за пределы физиологических ограничений.

Зрительный нерв перестал воспринимать отраженный свет.

Вместо пыльного лестничного пролета, вместо опускающегося лезвия, вместо клубов едкого дыма перед глазами Кирилла развернулась изнанка реальности.

Пространство потеряло монолитность. Воздух распался на полупрозрачную координатную сетку, составленную из крошечных светящихся октаэдров. Каждое движение монстра, каждая пылинка, каждая капля крови больше не двигались плавно — они дискретно смеща-

лись из одного узла сетки в другой, оставляя за собой едва заметный шлейф затухающих числовых матриц.

В воздухе зависли отладочные строки.

Они мерцали бледным изумрудным фосфором, набранные моноширинным, угловатым шрифтом низкоуровневого ассемблера:

[THREAD_EXECUTION // INSTANCE_LOCAL_PHYSICS]

[Entity_ID: 0x004F_Stalker_Chitin_L3]

[State: Action_Melee_Pierce]

[Kinetic_Vector: X=-0.12, Y=-0.88, Z=-0.45]

[Damage_Class: Absolute_Penetration]

[Interpolation: Processing...]

Кирилл смотрел на эти строки взглядом человека, который провел за осциллографом и дебаггером всю сознательную жизнь.

Вселенная не была хаосом. Она не была магией. Она не была божественным промыслом.

Вселенная была вычислительной средой. Программно-аппаратным комплексом запрещенной, но абсолютно постижимой сложности. И этот комплекс работал по строгим, железобетонным законам архитектуры фон Неймана!

Взгляд Кирилла скользнул в правый верхний угол периферийного зрения, туда, где в любой диагностической утилите располагаются счетчики системных ресурсов.

Там, пульсируя с удручающей, размеренной стабильностью, горел главный таймер мироздания:

``Tick_Rate = 100 Hz (10 ms per tick)``

Десять миллисекунд на тик.

Реальность обновляла свое состояние ровно сто раз в секунду. Сто раз за тысячу миллисекунд движок мира опрашивал положение объектов, просчитывал векторы скоростей, проверял хитбоксы на пересечение и применял законы физики.

Острые костяного клинка находилось в сорока сантиметрах от груди Кирилла.

До момента контакта: сорок миллисекунд.

Ровно четыре тика системного таймера.

Тик первый: кость рассекает воздух, преодолевая десять сантиметров.

Тик второй: кость проходит еще двенадцать сантиметров, воздух сжимается перед кромкой лезвия.

Тик третий: дистанция сокращается до восьми сантиметров, ткань футболки на груди начинает натягиваться от воздушного клина.

Тик четвертый: повреждение целостности кожных покровов, разрушение костной ткани, смерть носителя.

Человеческое тело не могло среагировать за четыре тика. Ни один чемпион мира по спринту, ни один мастер фехтования не способен послать сигнал от моторной коры к мышеч-

ным волокнам быстрее, чем за восемь-десять тиков. Это был предел органической шины данных.

Но Кирилл больше не смотрел на свое тело как на совокупность мяса и костей.

Он смотрел на консоль.

Строкой ниже счетчика тиков, чуть смещенная вправо, мерцала полупрозрачная, едва заметная переменная системного реестра ядра. Она была серой, неактивной, стоящей в конфигурации по умолчанию с момента сотворения этого мира:

`Clock\_Multiplier: 1.0x [Default]`

`Privilege\_Level: User [Restricted]`

`Thread\_Affinity: Single\_Core\_Organic`

Множитель частоты.

Один к одному. Стандартная заводская уставка. Безопасный режим для хрупких белковых созданий, чтобы их синапсы не сгорали от перегрузок, а внутренние органы не превращались в кашу от ускоренного износа.

Заводской ограничитель скорости для всей вселенной.

Но рядом с переменной мигал пустой, незащищенный от переполнения буфер ввода. Системный сбой нулевого дня, разорвавший ткань пространства над Новосибирском, сорвал пломбы не только с законов физики. Он открыл доступ к системному прерыванию нулевого кольца защиты — Ring-0.

Костяное лезвие преодолело первый тик. Тридцать сантиметров до сердца.

Кирилл мысленно, сквозь яростный вой умирающего мозга, потянулся к этой серой, неприметной строке.

Если у системы есть тактовый генератор...

Значит, его можно разогнать.

Глава 3. Внутренний таймер тактов

Двадцать сантиметров.

В воздухе пахло паленой изоляцией, сырой штукатуркой и сладковатым, тошнотворным смрадом разлагающейся органики, который всегда тянулся за тварями из Разлома. Костяной серп передней лапы сталкера рассекал пространство с глухим, вибрирующим свистом — так свистит сорвавшаяся на полных оборотах лопасть тяжелого промышленного кулера.

Обычный человек на месте Кирилла уже был бы мертв. Человеческая физиология — это чудовищно медленная, неоптимальная архитектура. Время прохождения нервного импульса от сетчатки через зрительный бугор в моторную кору — от восьмидесяти до ста двадцати миллисекунд. Еще сорок миллисекунд уходит на поляризацию мембран двигательных нейронов. Еще тридцать — на механическое сокращение актин-миозиновых мостиков в саркомерах мышц. Суммарная задержка ввода-вывода — почти четверть секунды. Целая вечность в масштабах системы, работающей на частоте в сотню герц.

При тактовой частоте Tick_Rate = 100 Hz каждый системный кадр длился ровно десять миллисекунд.

Один тик — лапа монстра проходит треть оставшейся дистанции.

Два тика — острое рассекает пыльный полумрак лестничной клетки, направляясь точно в межреберный промежуток, прямо в левый желудочек сердца.

Три тика — смерть.

Кирилл не моргал. Вся его прошлая жизнь — тысячи бессонных ночей в полутемной лаборатории Академгородка, литры испаряющегося жидкого азота, термодары, впаянные

напрямую в кремневые подложки процессоров, вой турбин и охота за десятками долями мегагерца — сжалась в одну-единственную точку предельной концентрации.

Он видел перед собой не чудовище. Он видел исполняемый код.

Мир вокруг больше не был незыблемым монолитом физических законов Ньютона и Эйнштейна. Он был программной средой. Громоздким, чудовищно сложным, но скомпилированным бинарником, запущенным на неведомом космическом сервере. И этот сервер прямо сейчас выполнял инструкции по умолчанию.

``Clock_Multiplier: 1.0x [Default]``

``Thread_Affinity: Single_Core_Organic``

``Vcore: 1.000V [Locked]``

Заводская уставка. Безопасный режим, зашитый в прошивку биосферы, чтобы белковые процессоры человеческих тел не деградировали от токов утечки и не сгорали от собственного тепловыделения.

Но прямо сейчас дефолтный режим означал гарантированную гибель.

Рядом с серым значением множителя в поле периферического зрения мерцал незащищенный буфер системного прерывания. Сбой нулевого дня, пробивший брешь в пространстве над Советским районом Новосибирска, сорвал контрольные суммы. Дверь в Ring-0 — святая святых операционной системы вселенной — оказалась приоткрыта.

Кирилл не стал размышлять о последствиях. На оверклокерском стенде не думают о том, выживет ли чип после подачи полутора вольт экстремального напряжения. Думают только о том, чтобы зафиксировать рекорд до того, как кремний расплавится в шлак.

Через открытый нейро-интерфейс, напрямую замыкая ментальные триггеры на системную шину, он послал форсированную команду перезаписи системного регистра:

``SET System.Core.Clock_Multiplier = 3.0x``

На сетчатку плеснуло багровым, ядовитым предупреждением:

[Внимание! Несанкционированный доступ к параметрам частоты ядра!]

[Ошибка перегрузки шины! Нарушение целостности Ring-0!]

[Предупреждение: Расчетный TDP органического носителя превышен на 260%!]

[Аппаратный ограничитель снят. Применение профиля: Clock_Multiplier = 3.0x]

[Текущая частота тактового генератора: 300 Hz. Длина такта: 3.33 мс]

Мир взорвался звуком низкочастотного удара, словно в глубине фундамента девятиэтажки провернулся титановый маховик весом в тысячу тонн.

И замер.

Торжествующий, утробный клекот сталкера, готового вонзить серп в податливую плоть, внезапно растянулся, сползая по тональности вниз: с визгливого фальцета в громоподобный, басовый инфразвуковой рокот, а затем и вовсе растворился в вязкой тишине.

Движение лапы чудовища превратилось в покадровую замедленную съемку. Кирилл отчетливо видел, как зазубренное лезвие из черного органического хитина миллиметр за миллиметром испарывает неподвижный воздух. Перед кромкой нарастала микроскопическая воздушная подушка, сминавшая волокна его полинявшей серой футболки. В луче тусклого аварийного света, бывшего из выбитого окна лестничной площадки, зависли круглые, рубиновые капли его собственной крови, сорвавшиеся с распоротого предплечья. Они не падали. Они

лениво дрейфовали, покачиваясь, словно мыльные пузыри в невесомости. Пылинки штукатурки висели в воздухе неподвижным созвездием.

Длина такта сократилась с десяти миллисекунд до трех целых тридцати трех сотых. Частота восприятия выросла втрое.

Но за все в физике приходится платить.

[Термоконтроль: Текущее тепловыделение ядра — 215 W. Рост температуры: +0.8°С/сек]

[Внимание: Опасность термического пробоя синаптических узлов!]

Вдоль позвоночного столба Кирилла словно полоснули автогеном.

Форсированный сигнал невероятной мощности, подстегнутый повышенным множителем, пробил заблокированные, контуженные при падении нервные пути. Спинной мозг отозвался ослепляющей, белой болью — так гудят высоковольтные трансформаторы перед коротким замыканием. Миелиновые оболочки нервов буквально кипели от запредельного напряжения. Сигнал преодолел ушибленный поясничный отдел L4-L5 не плавной химической поляризацией, а настоящим электрическим пробоем.

Мышцы бедер и икр отозвались бешеной, сокрушительной судорогой колоссальной силы.

«Двигайся, кусок мяса! Шевелись!» — скомандовал себе Кирилл.

Он видел траекторию удара сталкера так же четко, как векторный график в диагностической утилите. Угол атаки — тридцать семь градусов к горизонтали. Вектор смещения лезвия — строго прямолинейный, инерция массы тела твари не позволяла ей скорректировать выпад на лету. В базовом режиме увернуться было невозможно: телу требовалось двести миллисекунд на рывок, а у него оставалось сорок.

При частоте в триста герц у него появилось субъективных полторы секунды.

Кирилл не стал вставать. Он использовал спазм собственных квадрицепсов как спусковой крючок механической пружины.

Пятка с силой впечаталась в шершавый, выщербленный бетон ступени. Мышечные волокна сократились с такой чудовищной перегрузкой, что в сухожилиях что-то сухо хрустнуло, предупреждая о микронадрывах, но импульс пошел. Его тело швырнуло вправо и вниз по наклонной плоскости лестничного марша.

Костяное лезвие рассекло воздух ровно в той точке, где долю мгновения назад находилось его сердце. Острие задело грудь по касательной — ткань футболки лопнула, кожу обожгло ледяным холодом рассеяемого вакуума, но ребра остались целы. Серп монстра с чудовищным звоном врезался в бетонную ступеньку, выбив сноп рыжих искр и фонтан каменной крошки, которая зависла в замедленном времени веером серых осколков.

Кирилл перекатился через плечо, сдирая кожу на лопатке о битый кирпич.

Каждое движение стоило нечеловеческих усилий: воздух вокруг казался плотным, как технический глицерин. Чтобы преодолеть его сопротивление на возросшей скорости, организму приходилось сжигать глюкозу и АТФ с интенсивностью ракетного двигателя. В легких забушевал пожар.

Пальцы правой руки выбросило вперед в поисках опоры, и они наткнулись на холодный, ребристый металл.

Обломок перил.

В самом начале атаки сталкер снес стальное ограждение лестницы своей бронированной тушей. На ступеньках остался валяться оторванный кусок прокатного углового профиля — сороковка, тяжелая советская конструкционная сталь толщиной в четыре миллиметра, длиной чуть меньше метра. Один конец был смят, но второй представлял собой рваный, скошенный излом с острым, бритвенным заусенцем на конце.

Идеальный теплоотводящий штырь. И идеальный инструмент для механического пробития.

Кирилл перехватил уголок обеими руками. Шероховатая облупившаяся краска врезалась в ладони.

Сталкер на ступенях выше только начал осознавать, что его смертельный выпад ушел в пустоту. В нормальном темпе времени тварь была молниеносным хищником, продуктом миллионов циклов машинной селекции Разломов. Но сейчас ее массивное, покрытое сегментированным хитином тело разворачивалось с мучительной, грациозной медлительностью тяжело-груженого танкера.

Жвала чудовища начали раздвигаться для нового ультразвукового клича, фасеточные глаза тускло мерцали за защитными костяными щитками.

Кирилл не смотрел в глаза. Он искал критическую уязвимость в компоновке узлов.

Любой инженер знает: невозможно создать полностью изолированную систему с высоким КПД. Если биологический механизм генерирует кинетическую энергию, способную крушить железобетон, он обязан сбрасывать избыточное тепло в окружающую среду. Закон сохранения энергии невозможно отменить даже багами нулевого дня.

Взгляд Кирилла скользнул по сочленениям пластин брони монстра.

Вот оно.

Прямо под мощным шейным щитком, на переходе к брюшному сегменту, хитиновые листы расходились при повороте туловища на двенадцать миллиметров. В этой щели ритмично пульсировала влажная, пепельно-серая дыхательная мембрана — стигма, главное теплообменное отверстие внутренней дыхательной системы твари. Никакой брони. Только тонкая ткань, охлаждающая внутренние гемолимфатические каналы потоком засасываемого воздуха.

Дистанция — один метр двадцать сантиметров.

Угол входа — шестьдесят градусов снизу вверх.

Кирилл зафиксировал опорную левую ногу в изгибе ступени, намертво блокируя коленный сустав. Правая нога согнулась, накапливая кинетический потенциал. Он не просто наносил удар руками — он вложил в движение всю массу тела, помноженную на утроенное ускорение. В формуле кинетической энергии скорость возводится в квадрат. Утроенная скорость давала девятикратный прирост силы удара на кончике стального клина.

«Получай, тварь. Тепловой пробой в базовый кристалл!»

Рваный скол стального уголка вошел точно в открытую дыхательную мембрану.

Хитин вокруг стигмы хрустнул, словно раздавленная прессом керамическая плитка. Сталь не встретила сопротивления мягких тканей: под давлением чудовищного импульса уголок вошел в тело сталкера на добрых сорок сантиметров, вспарывая центральный нервный ганглий и разрывая магистральные сосуды с гемолимфой.

Кирилл навалился всем весом, с хрустом проворачивая металлический профиль внутри раны на девяносто градусов, превращая внутреннюю архитектуру твари в фарш.

Время дрогнуло.

[Внимание! Превышение лимита безопасного времени работы оверклок-профиля!]

[Критический перегрев органической матрицы: 39.2°C!]

[Срабатывает аварийный механизм термозащиты: Thermal Throttling!]

[Сброс множителя: 3.0x -> 1.0x]

[Частота тактового генератора возвращена к базовой: 100 Hz]

Звуковой барьер рухнул.

Мир с оглушительным, яростным ревом вернулся к своей нормальной скорости. Замедленный басовый гул взорвался визгливым, захлебывающимся воплем раненого чудовища, от которого на оставшихся оконных рамах задрожали осколки стекол.

Из разорванного брюха монстра хлестнул фонтан густой, черной, обжигающе горячей жижи, похожей на отработанное машинное масло. Брызги ударили Кирилла в грудь и лицо — жидкость шипела, прожигая волокна ткани и оставляя на коже химические ожоги, пахнущие серной кислотой и аммиаком.

Сталкер забился в предсмертной агонии. Шесть суставчатых лап молотили по ступенькам и стенам, кроша бетон в серую пыль, вырывая с корнем куски штукатурки и оставляя глубокие борозды в кирпичной кладке. Кирилла отшвырнуло взбрыкнувшим телом монстра на лестничную площадку этажом ниже. Он с грохотом врезался спиной в железную дверь мусоропровода, выбив из легких остатки воздуха.

Тяжелый стальной уголок остался торчать из брюха твари, как громоотвод.

Еще три секунды сталкер скреб когтями пол, его жвала конвульсивно щелкали, выбивая дробь, пока из стигмы пузырями выходила черная пена. Затем бронированное тело в последний раз содрогнулось мелкой, высокочастотной дрожью и обмякло, сползая по лестничному маршу бесформенной грудой мертвого биомеханического лома.

Тишина.

Тяжелая, давящая тишина сибирского подъезда, нарушаемая лишь потрескиванием тлеющей проводки в раскуроченном щитке да далекими, раскатистыми ударами где-то над Академгородком — там, в районе Обского моря, продолжали пульсировать фиолетовые зарницы нестабильного Разлома.

В глазах Кирилла вспыхнул целый каскад изумрудных строк системного журнала.

[Лог боя: Нанесено критическое структурное повреждение]

[Уничтожена сущность: Теневой Сталкер Разлома (Ранг F, Уровень 3)]

[Получено системного опыта: 350 единиц]

[Расчет вычислительного пула завершен...]

[Внимание! Достигнут порог инициализации носителя!]

[Поздравляем! Ваш уровень повышен: 0 -> 1]

[Разблокирован доступ к распределению первичных архитектурных ресурсов: 3 очка конфигурации]

[Обновлен статус физического шасси]

Кирилл сидел на холодном полу, привалившись к помятому железу мусоропровода, и не мог сделать вдох.

Его колотило крупной, неуправляемой дрожью, но внутри бушевал адский, испепеляющий жар. Легкие словно наполнили раскаленным сухим песком. Сердце молотило в ребра с частотой под двести ударов в минуту — тахикардия, граничащая с фибрилляцией желудочков. Кожа на шее, плечах и лице пылала багровым, от мокрого от пота лба поднимался едва заметный, призрачный пар.

[Предупреждение: Температура тела носителя — 39.4°C]

[Статус: Системная гипертермия. Риск коагуляции белковых структур мозга]

[Эффективность охлаждения окружающей средой: КРИТИЧЕСКИ НИЗКАЯ]

[TDP шасси в пассивном режиме: 85 W. Текущий сброс тепла недостаточен!]

— Твою мать... — прохрипел Кирилл, сплевывая на пыльный бетон вязкую слюну с металлическим привкусом меди. — Троттлинг... Чистый термический троттлинг...

Он прекрасно понимал, что с ним происходит.

Разгон биологического процессора на триста процентов без модификации системы охлаждения был актом чистого безумия. Любой оверклокер знает: увеличиваешь тактовую частоту и напряжение — будь готов отвести тепло, растущее в квадратичной зависимости от вольтажа. Железные чипы в таких случаях спасали массивные медные радиаторы с тепловыми трубками, водоблоки с двухсекционными помпами или открытые стаканы, в которые каждые сорок секунд подливали жидкий азот с температурой минус сто девяносто шесть градусов.

У его тела не было медных радиаторов. Не было тепловых трубок. Единственным теплоносителем была кровь, а радиатором — площадь поверхности собственной кожи, запертая в душном подъезде панельного дома.

Он перегревался изнутри. Еще пара минут при температуре выше сорока градусов — и начнется необратимый отек мозга, денатурация белков нейронов и смерть. Система не убила его отказом шины, но его добьет собственная термодинамика.

Кирилл стиснул зубы, преодолевая ватную слабость в онемевших руках.

Рванув ворот, он с треском содрал с себя остатки футболки, пропитанной едкой жижей монстра и собственным потом. Открытая грудь встретила холодный сквозняк, тянувший с разбитого лестничного пролета, но этого было ничтожно мало. Воздух — паршивый термоинтерфейс. Теплопроводность сухого воздуха — жалкие 0.026 Вт/(м·К).

Нужен массивный твердотельный контакт.

Кирилл буквально сполз на четвереньки, перевернулся на живот и прижался обнаженной грудью, животом и щекой прямо к голому, выщербленному бетону лестничной площадки.

Бетонная плита перекрытия весила несколько тонн. В неотапливаемом сентябрьском подъезде ее температура не превышала восьми градусов Цельсия. Теплоемкость тяжелого бетона огромна — это был гигантский, бесплатный пассивный радиатор.

Холод ударил в раскаленную кожу, словно удар хлыста. Кирилл судорожно выдохнул сквозь зубы. По телу пробежала волна колющих мурашек, но он заставил себя не двигаться, распластавшись по площадке, как раздавленная лягушка, максимизируя пятно теплового контакта.

«Давай... забирай теплоту... закон Фурье, сука, работай...»

Шероховатый бетон под его грудью нагревался буквально на глазах. Через тридцать секунд холодное пятно превратилось в теплую постель, и Кирилл, кряхтя от боли в ушибленных ребрах, переполз на полметра в сторону — на свежий, ледяной участок плиты. Снова обжигающий холодок. Снова судорожный вздох облегчения.

Индикатор в углу обзора наконец сменил цвет с истерично-алого на тревожно-оранжевый:

[Термоконтроль: Температура тела — 38.8°C... 38.4°C... 38.1°C]

[Тепловой баланс стабилизирован. Угроза термического разрушения матрицы купирована]

[Предупреждение: Физическое шасси истощено. Текущий уровень выносливости: 14%]

Кирилл перевернулся на спину, тяжело дыша и глядя в закопченный потолок, где вокруг тусклой лампочки аварийного освещения висела одинокая очумевшая моль. Жив. Он только что голыми руками, обломком ржавой трубы и перегруженным мозгом уложил тварь, которая разорвала бы взвод спецназа с автоматами.

Мысли прояснились, собираясь в четкую, стройную логическую цепочку.

Перед глазами висело развернутое окно персональной конфигурации. Кирилл сфокусировал взгляд, вчитываясь в строки, которые любой другой выживший в этом хаосе счел бы непостижимой магией или проклятием:

[Профиль архитектуры: Кирилл Соколов]

[Класс: Не определен (Аномальный доступ к прерываниям)]

[Уровень: 1 (Опыт: 350 / 500)]

[Целостность шасси (НР): 42 / 110]

[Вычислительный потенциал (МР): 15 / 60]

[Базовая тактовая частота: 100 Hz]

[Множитель шины: 1.0x]

[Доступный TDP носителя: 95 W]

Ниже шли базовые параметры конфигурации, переведенные примитивным интерпретатором в псевдопонятные органическому мозгу термины:

[Архитектурная прочность (Телосложение)]: 10

(Определяет плотность костной ткани, предел прочности связок и пассивный объем НР)

[Пропускная способность шины (Реакция/Ловкость)]: 11

(Определяет ширину каналов моторных сигналов, скорость реакции и точность позиционирования)

[Вычислительная емкость (Интеллект)]: 14

(Определяет размер кэш-памяти для системных команд, плотность магических потоков и емкость МР)

[Тепловая масса радиатора (Термостойкость)]: 9

(Определяет порог накопления критического тепла и скорость естественного охлаждения)

[Свободные очки распределения: 3]

Кирилл криво усмехнулся разбитыми губами.

Большинство людей, получив такой интерфейс в разгар апокалипсиса, не задумываясь вкачали бы очки в силу или ловкость, чтобы быстрее бегать и сильнее бить. Но Кирилл видел суть архитектуры.

Сила и ловкость в этой системе были вторичны. Они были просто исполнительными механизмами — сервоприводами на конце управляющей цепи. Его главным оружием, его уязвимостью нулевого дня была возможность менять множитель тактовой частоты. Но множитель упирался не в мощность мышц.

Узким местом был тепловой пакет.

Если он не увеличит тепловую массу и способность сбрасывать ватты, то следующий разгон ядра до 3.0x просто сварит его заживо внутри собственного черепа. Даже этот короткий бой поднял температуру почти до сорока градусов. А если тварей будет две? Если придется держать множитель не три секунды, а пятнадцать?

Без колебаний Кирилл мысленно перетащил маркеры распределения:

`[Тепловая масса радиатора]: 9 -> 11 (+2)`

`[Пропускная способность шины]: 11 -> 12 (+1)`

Подтвердить выбор.

По телу словно прокатилась волна плотной, прохладной тяжести. Ощущение было странным, но отчетливым: мышечные волокна под кожей будто стали плотнее, стенки кровеносных сосудов приобрели дополнительную эластичность, а в глубине грудной клетки, прямо за грудиной, разлилось ощущение глубокого, густого колодца, способного поглотить и рассеять внезапный термальный выброс.

[Параметры обновлены]

[Доступный TDP носителя увеличен: 95 W -> 115 W]

[Базовый тепловой буфер расширен на 22%]

[Пропускная способность шины увеличена. Снижение задержки моторных команд: -4 мс]

Дышать стало легче. Пульс медленно пополз вниз: сто сорок... сто двадцать... девяносто восемь.

В этот момент за железной дверью квартиры номер сорок два на лестничной площадке что-то негромко щелкнуло. Затем послышался шорох отодвигаемой цепочки и судорожный, всхлипывающий женский вздох.

Кирилл мгновенно подобрался, сев на полу и уперев руку в шершавый бетон. Мышцы отозвались глухой, ноющей болью, но судороги ушли. Шина данных работала стабильно.

Дверь приоткрылась на пару сантиметров. В узкую щель блеснуло лезвие длинного кухонного ножа, а затем показался широко распахнутый, темный от первобытного ужаса глаз.

— О-оно... оно мертво? — голос был тонким, срывающимся на свистящий шепот.

Диана.

Студентка третьего курса биолого-почвенного факультета НГУ, снимавшая эту однушку в начале осени. Кирилл пару раз сталкивался с ней у подъезда: вечно с огромным рюкзаком, вечно в круглых очках в тонкой оправе и с наушниками на шее. Обычная девчонка из Академа, чья жизнь еще два часа назад состояла из коллоквиумов по цитологии, кофе в пластиковых стаканчиках и подготовки к зимней сессии.

А потом небо над институтами раскололось на фиолетовые фракталы, сотовая связь сдохла, а по лестницам хрущевок и панелек побежали слепые, бронированные охотники из иной мерности.

— Мертво, — хрипло отозвался Кирилл, откашливаясь от набившейся в горло известковой пыли. — Выходи. Только под ноги смотри, не вляпайся в эту дрянь. Она едкая.

Дверь распахнулась шире. Девушка шагнула на площадку, судорожно вцепившись побелевшими пальцами в деревянную рукоять ножа. Ее колотило так, что нож мелко вибрировал, выбивая дробь о металл дверного косяка.

Она посмотрела на бесформенную тушу сталкера, из которой все еще сочилась маслянистая черная жижа, залившая три пролета ступеней. Затем перевела взгляд на Кирилла — полуголого, перемазанного сажей, кровью и пеплом, сидящего на холодном бетоне с обожженной грудью, от которого все еще шел тонкий сизый пар.

— Ты... ты его убил? — ее взгляд упал на стальной уголок, намертво заклиненный в брюшных пластинах чудовища. — Этим? Но это же... это невозможно. Я видела в глазок. Он двигался быстрее, чем колибри. Он двери консержки вниз вынес за полсекунды!

— В физике нет слова «невозможно», — отрезал Кирилл, с трудом поднимаясь на ноги. Суставы хрустнули, но тело держало нагрузку. — Есть только несоответствие тактовой частоты и нехватка питающего напряжения. Вода есть?

Диана моргнула, с трудом выныривая из ступора.

— Ч-что?

— Вода, — терпеливо повторил он. — Холодная. Чем холоднее, тем лучше. И лед, если в морозилке остался. Живо.

Девушка метнулась в квартиру, оставив дверь распахнутой. Через десять секунд она вернулась, неловко прижимая к груди двухлитровую пластиковую бутылку ледяной минералки из холодильника и пластиковый контейнер с кубиками льда.

Кирилл перехватил бутылку, зубами свернул пробку и жадно, захлебываясь, выпил половину. Ледяная вода обрушилась в желудок спасительным холодом, остужая ядро изнутри. Оставшуюся воду он без колебаний вылил себе на затылок и плечи. Холодные струи зашипели на горячей коже, смывая черную едкую сукровицу твари.

Взяв горсть льда, он завернул кубики в обрывок подола своей порванной футболки и плотно прижал импровизированный компресс к основанию шеи — туда, где проходят сонные артерии, снабжающие кровью перегретый мозг.

Температурный датчик в интерфейсе благодарно мигнул:

[Термоконтроль: Температура стабилизирована на отметке 36.9°C]

[Эффективность внешнего охлаждения: Приемлемая]

— Спасибо, — выдохнул он, посмотрев на Диану. — Ты биолог, верно?

— Да... — она нервно сглотнула, глядя на мертвого сталкера с профессиональной, почти иррациональной смесью ужаса и исследовательского интереса. — Третий курс. Кафедра физиологии.

— Тогда объясни мне, почему у этой твари гемолимфа горячая, как машинное масло под нагрузкой?

Диана сделала несмелый шаг к туше, присела на корточки, стараясь не наступать в черную лужу, и вгляделась в разорванную дыхательную мембрану.

— Это... это не совсем хитин, — пробормотала она, забывая на секунду о страхе. — Смотри на излом. Кристаллическая решетка. Углеродные нанотрубки, армированные кремнийорганическими соединениями. А внутри... у него нет легких. Это проточная трахейная система с принудительной конвекцией. Он не дышит кислородом в нашем понимании. Он прокачивает воздух через брюшко, чтобы охлаждать центральные узлы. Если бы он не сбрасывал тепло, его собственные аксоны сгорели бы за секунду от метаболического взрыва...

— Вот именно, — криво усмехнулся Кирилл. — Значит, мы с ним работаем на одной архитектуре. Только у него система охлаждения была заводской, а мне приходится импровизировать на коленке.

В этот момент снизу, со стороны первого этажа и входного крыльца дома, донесся резкий, сухой треск.

Выстрел.

Затем второй, третий. Грохнул тяжелый двенадцатый калибр — судя по звуку, лупили из охотничьего «Вепря» или «Сайги». Вслед за выстрелами лестничную клетку наполнили хриплые, злые крики, топот тяжелых армейских берцов по обломкам бетона и треск портативной рации.

— ...чисто! Вход свободен! Тащите козла сюда!

— Живее, суки, пока твари на шум не стянулись!

— Внимание жильцам! — загремел внизу тяжелый, прокуренный голос, усиленный хрипящим рупором мегафона. Звук гулко отражался от стен подъезда, поднимаясь до девятого этажа. — Говорит комендатура отряда «Новый Порядок»! Дом блокирован! Всем сидеть по норам и не рыпаться! Кто высунет рыло на площадку без команды — получит маслину в лоб! Все запасы жратвы, медикаментов, оружия и горючего выставить за двери в течение десяти минут! За неповиновение — зачистка гранатами! Комендант Буров берет здание под внешнее управление!

Диана побелела, как свежая штукатурка. Она отшатнулась от перил, прижав ладони ко рту.

— Господи... Это Буров...

Кирилл нахмурился, чувствуя, как внутри снова натягиваются пружины внимания.

— Кто такой?

— С авторынка на Бердском шоссе, — быстро, шепотом заговорила девушка, и ее глаза снова наполнились паникой, но уже совершенно иной, человеческой. — У него там была сеть нелегальных разборок, автосервисы и ЧОП полукриминальный. Когда час назад все это началось, они первые разграбили оружейный магазин на проспекте Лаврентьева. У них карабины, бронежилеты, бензовозы... Мой сосед сверху говорил, что они уже подмяли под себя два микрорайона в нижней зоне. Они не спасают людей, Кирилл. Они просто выгребают все под ноль, а мужиков сгоняют на баррикады как живое мясо!

Кирилл осторожно подошел к краю лестничного пролета и посмотрел вниз, в колодезь подъезда.

На втором этаже мелькали лучи подствольных фонарей. Доносился плач какой-то женщины, матерная брань, глухой звук удара прикладом в деревянную дверь и треск выбиваемого замка.

«Новый Порядок».

Мародеры, решившие, что конец света дает им право включить режим полевых феодалов. Классический сценарий крушения социума: пока ученые и инженеры пытаются осознать законы изменившейся реальности, люди с дробовиками просто отжимают тушенку и территорию.

Но у Букова и его банды была одна фундаментальная ошибка в расчетах.

Они думали, что правят бал, потому что у них есть порох, свинец и готовность нажимать на спуск. Они жили в парадигме старого мира, где огнестрельное оружие было вершиной пищевой цепочки.

Они не понимали, что правила изменились.

Выстрел из двенадцатого калибра разгоняет картечь со скоростью четыреста метров в секунду. От момента нажатия на спуск до поражения цели на дистанции в десять метров проходит двадцать пять миллисекунд.

При базовой частоте системы — это два с половиной тика.

Но если поднять множитель ядра до 3.0х...

Кирилл посмотрел на свои ладони. Пальцы сжались в кулак. Костяшки побелели.

Сейчас он был слишком слаб для затяжного боя. Тело требовало восполнения гликогена, воды и нормального отдыха. Одной бутылки минералки и горсти льда хватило лишь на то, чтобы не умереть от теплового удара. Любой новый форсированный разгон без внешней системы охлаждения приведет к гарантированному расплавлению синапсов.

Значит, лобовая атака исключена. Нужен расчет.

— Диана, — тихо, но жестко произнес Кирилл.

Она вздрогнула, поднимая на него глаза.

— У тебя в квартире есть инструменты? Медная проволока, трубки от старого холодильника, автомобильные радиаторы, термопаста? Хотя что-то из радиоэлектроники или сантехники?

Девушка растерянно моргнула, пытаясь связать бандитов на первом этаже и радиаторы.

— У... у отца в кладовке. Он работал в институте теплофизики СО РАН. Там остались какие-то стендовые образцы... тепловые трубки на теплоносителях с фазовым переходом, медные радиаторы для серверных стоек, паяльная станция... Он привез их перед тем, как лабораторию законсервировали. Зачем тебе это сейчас?!

В глазах Кирилла вспыхнул холодный, хищный огонек настоящего азарта. Инженерного азарта человека, которому только что дали чертеж идеального оружия.

Тепловые трубки с фазовым переходом. Медь высокой степени очистки.

— Зачем? — он перевел взгляд на массивные хитиновые пластины мертвого сталкера, лежащего на ступенях, а затем на оторванный стальной уголок. — Затем, Диана, что твари из Разлома — это просто дикая фауна. А Буров и его шакалы — это мусор, который думает, что пули спасут их от системного сбоя. Мы не будем прятаться по углам и ждать, пока они придут за твоими консервами.

Он шагнул к телу сталкера, уперся ногой в сочленение панциря и с глухим хрустом выдернул стальной уголок из разорванного брюха монстра.

Черная гемолимфа стекла по металлу, шипя на пыльных ступенях.

— Мы соберем радиатор, — спокойно закончил Кирилл. — Мы сделаем нормальный термоинтерфейс для прямого монтажа на артерии. А потом я подниму частоту до пятисот герц. И посмотрим, успеет ли комендант Буров хотя бы моргнуть до того, как его свинец превратится в неподвижные музейные экспонаты. За мной. В квартиру. Быстро.

Глава 4. Первый оверклокинг

Серый хитиновый монолит мертвого сталкера начал распадаться прямо на глазах.

Это не было гниением или обугливанием. Материя существа подчинялась иному физическому протоколу: по широкому сегментированному панцирю побежала рябь из тускло-фиолетовых геометрических полигонов. Там, где металл стального строительного уголка пробил уязвимое сочленение между головогрудью и брюхом, край раны начал крошиться на мельчайшие световые пиксели. Густая черная гемолимфа, только что шипевшая на бетонных ступенях подъезда с едким запахом паленой резины и сероводорода, теряла плотность, превращаясь в сухой сероватый пепел.

Через три секунды от полутораметровой твари Разлома не осталось даже костей. Только кучка минеральной пыли и два материализовавшихся системных объекта, мягко мерцавших в полумраке лестничной клетки.

[Система: Зафиксирована деструкция сущности «Пещерный Сталкер, 1 ур.».]

[Система: Сгенерирована добыча согласно таблице распределения нулевого дня.]

[Получено: «Малый Системный Кристалл (Серый)» — 1 шт.]

[Получено: «Осколок Хитиновой Брони» — 1 шт.]

Кирилл стоял над кучкой пепла, тяжело, с присвистом дыша через нос. Каждое движение стоило колоссальных усилий. Пальцы правой руки свело судорогой вокруг рифленной полки стального уголка. Мышцы предплечья одеревенели, мелкая дрожь сотрясала плечевой пояс и спускалась вдоль позвоночника к бедрам.

Он попытался сделать шаг вперед и едва не рухнул: колени самопроизвольно подогнулись, словно связки превратились в размякший полиэтилен. Пришлось опереться свободным концом стального прута о ступеньку. Металл глухо звякнул о раскрошенный край бетона.

Термодинамика не прощала ошибок. Закон сохранения энергии работал здесь с той же безжалостной математической точностью, что и на криогенных стендах Института теплофизики.

Кирилл опустил взгляд на свои предплечья. Сквозь плотную ткань термобелья и расстегнутый ворот зимней куртки валил густой, белесый пар. Кожа пылала. Казалось, под эпидермисом разлили расплавленное олово. В висках с мерзкой, давящей частотой колотил гидравлический пресс, а глазные яблоки саднило от сухости — слезная пленка попросту испарилась во время форсированного режима.

[Предупреждение: Температура ядра оператора — 39,2°C.]

[Предупреждение: Превышение допустимого термopakета (TDP). Зафиксирован локальный тепловой шок мышечных волокон.]

[Статус: Скорость естественного теплорассеяния недостаточна. Рекомендуются пассивное охлаждение.]

— Тридцать девять и два, — прохрипел Кирилл, сплевывая на ступени густую, вязкую слюну с металлическим привкусом. — Еще полградуса — и начнется денатурация белка в нейронах коры. Отек мозга. Кома. Системный кернел-паник.

Он медленно опустился на одно колено, стараясь не делать резких движений, чтобы не провоцировать дополнительное выделение тепла от мышечных сокращений. Протянул руку и подобрал дроп.

Кристалл представлял собой идеальный октаэдр размером с грецкий орех. Он был полупрозрачным, с дымчато-серым ядром, внутри которого медленно вращалась крошечная фрактальная спираль. На ощупь граненый камень оказался ледяным — температура поверхности не превышала четырех градусов Кельвина по субъективным ощущениям, он буквально впитывал в себя тепло ладони. Кирилл мгновенно сжал его в пальцах, испытывая почти физическое наслаждение от того, как холод жадно вгрызается в перегретую кожу ладони.

[Малый Системный Кристалл (Серый)]

[Категория: Энергетический субстрат / Расходный материал.]

[Емкость: 50 Единиц Системной Энергии (СЭ).]

[Назначение: Прямая конвертация в опыт оператора, подпитка системных интерфейсов, базовое сырье для модификаций.]

Вторым предметом оказалась треугольная пластина размером с ладонь, похожая на обломок матового композитного щитка. Поверхность была покрыта микроскопическими шестигранными сотами, не отражавшими тусклый свет из разбитого окна.

[Осколок Хитиновой Брони]

[Категория: Конструкционный материал.]

[Класс прочности: В-1 (Кремний-углеродная матрица с биополимерным армированием).]

[Предел прочности на сжатие: 480 МПа. Теплопроводность: 0,18 Вт/(м·К).]

[Описание: Фрагмент экзоскелета низших инсектоидов Разлома. Отличный теплоизолятор, высокий показатель вязкости разрушения.]

— Теплопроводность ноль восемнадцать... — машинально пробормотал Кирилл, взвешивая пластину в руке. — Паршивый радиатор. Но великолепный термобарьер. Если обшить им внешние узлы...

Мысли путались, разбиваясь о раскаленную стену перегрева. Он заставил себя сесть прямо на холодный бетон площадки, прислонившись затылком к облупленной масляной краске стены. Бетон забирал тепло жадно, но слишком медленно. Человеческое тело — крайне неэффективный теплообменник. Теплопроводность эпидермиса и подкожной клетчатки не превышает 0,2–0,4 Вт/(м·К). Жировая прослойка работает как идеальный термос, запирая адскую температуру внутри мышечных массивов и внутренних органов.

Кирилл закрыл глаза и вызвал телеметрическую панель модификатора.

[Интерфейс: Конфигурация ядра оператора]

[Базовая тактовая частота тиков (Tick_Rate): 100 Hz]

[Текущий множитель (Clock_Multiplier): x1.0 (Номинал)]

[Расчетная тепловая мощность (TDP): Базовая — 95 Вт. Пиковая при разгоне x3.0 — 3400 Вт.]

[Критический лимит времени работы при множителе x3.0 без принудительного охлаждения: 8,4 секунды.]

[Время до теплового отказа (T_Crit = 42,0°C): 10,2 секунды.]

Расчет был безжалостен. Восемь секунд.

В реальном масштабе времени это был ничтожно малый интервал. При разгоне в триста герц мир замедлялся втрое, превращая эти восемь секунд в субъективные двадцать четыре — время, достаточное для того, чтобы оценить траекторию удара, найти слабую точку в броне и вогнать заточенный штырь в сочленение. Но плата за этот тактический триумф была чудовищной. Три с половиной киловатта тепловыделения. Человеческий организм не проектировался под установку вычислительных ядер такой мощности. Сердечно-сосудистая система не справлялась с циркуляцией перегретой крови, легкие не успевали отводить тепло через конвективный выдох.

Если Буров выставит против него десяток автоматчиков, или если из Разлома полезет стая тварей с броней выше первого класса, разгона x3.0 не хватит. Потребуется x4.0. Четыреста герц.

При четырехстах герцах тепловыделение взлетит по экспоненте — не менее шести киловатт. При такой мощности тепловой взрыв ядра наступит за две с половиной секунды. Кровь закипит прямо в сонных артериях, разорвав микрососуды глазного дна и полушарий.

Сверху, с площадки второго этажа, слышались осторожные, крадущиеся шаги. Металлическая дверь квартиры номер четыре скрипнула, приоткрываясь на ширину цепочки, а затем распахнулась шире.

В проем высунулась Диана. Ее лицо было мертвенно-бледным, растрепанные светлые волосы прилипли к взмокшему лбу, а в руках она сжимала тяжелый советский разводной ключ — видимо, единственное оружие, которое успела найти в прихожей.

Увидев пустой лестничный пролет, серый пепел и сидящего на ступенях Кирилла, из пор куртки которого валил пар, девушка замерла. Взгляд ее огромных темных глаз метнулся от кучки праха к окровавленному стальному уголку.

— Ты... ты его убил? — ее голос сорвался на шепот, в котором боролись первобытный ужас и отчаянная, почти безумная надежда. — Где он? Он же был огромным... как медведь, только в панцире...

— Распался на системные компоненты, — Кирилл с трудом поднял руку, демонстрируя серый кристалл. — Логика процесса пока не ясна, но Системе не нужны трупы. Ей нужна чистая энергоконверсия. Закрой дверь, Диана. Не стой на сквозняке.

— Кирилл... ты горишь! От тебя дым идет!

— Не дым. Фазовый переход пота в пар. Обычная теплоотдача, — он скрипнул зубами, опираясь на прут и заставляя себя подняться. Каждый сустав отозвался тянущей, ноющей болью, словно его перетерли на жерновах. — Мне нужно пять минут на сброс температуры ядра. Найди в кладовке отца все, что связано с медью. Тепловые трубки, радиаторные гребенки...

Договорить он не успел.

С улицы, перекрывая глухой завывающий свист декабрьского бурана, донесся резкий, панический клаксон автомобиля. Звук был длинным, захлебывающимся, словно водитель навалился всем телом на рулевое колесо. Следом раздался визг рвущегося тонкого листового металла, глухой треск пластика и истошный, леденящий кровь женский крик:

— Помогите! Кто-нибудь, помогите! Они пробили колеса! Артем, назад, в салон, назад!

Кирилл вскинул голову. Сквозь выбитые стекла подъездного окна первого этажа хлынула новая волна ледяного новосибирского воздуха, принесящая запах свежей крови, горелого сцепления и едкой муравьиной кислоты.

Он сделал три быстрых, хромающих шага к окну и выглянул во двор.

Картина системного апокалипсиса разворачивалась в пятидесяти метрах от подъезда, прямо посреди занесенной сугробами детской площадки. Старенький серый кроссовер — кажется, «Рено Дастер» — плотно сидел на брюхе в ледяной колее, буксуя всеми четырьмя колесами и выбрасывая из-под арок фонтаны серого снега вперемишку с грязью. Лобовое стекло машины было покрыто паутиной трещин, а капот представлял собой смятое в гармошку месиво.

Вокруг автомобиля кружила стая.

Их было пять. Размером с крупного питбуля каждый, с плоскими, приземистыми телами, зажатыми в сегментированный черно-зеленый панцирь. Шесть толстых, зазубренных лап с короткими костяными шипами вгрызались в ледяной наст, обеспечивая тварям чудовищное сцепление. На широких головах не было глаз — только пара дергающихся перистых антенн и массивные, перекрещивающиеся жвалы, напоминающие гидравлические клещи спасателей.

Жвалы одной из тварей с противным металлическим скрежетом сомкнулись на переднем крыле «Дастера». Металл толщиной в миллиметр лопнул, как фольга. Из раскрытой пасти

монстра брызнула желтоватая пена — кислотный секрет, от которого краска на кузове мгновенно вздулась пузырями и повалил ядовитый пар.

В салоне, прижавшись к задней двери, билась женщина в пуховике, отчаянно пытаясь затянуть внутрь подростка лет четырнадцати. Парень в расстегнутой куртке сжимал в руках лыжную палку и бессмысленно тыкал ею через разбитое боковое стекло в морду лезущей внутрь твари.

Над головами тварей пульсировали четкие системные идентификаторы:

[Пещерный Скарабей, 2 ур.]

[Тип: Роевой инсектоид-утилизатор.]

[Особенности: Усиленный хитин головной капсулы, кислотная секреция, круговая координация по феромонному каналу.]

[Опасность: Средняя (для немодифицированных носителей — летальная).]

— Кирилл, не надо! — за спиной раздался сдавленный голос Дианы. Она спустилась на несколько ступеней, вцепившись побелевшими пальцами в перила. — Их же пятеро! Это не тот одиночка, они тебя разорвут! Мы должны забаррикадироваться на четвертом этаже, там стальная дверь...

— Если они добьют машину, они полезут в тепло, — холодно, отсекая любые эмоции, ответил Кирилл. Взгляд его сканировал двор, рассчитывая углы, расстояния и коэффициенты трения на обледенелом асфальте. — Этот подъезд — ближайшая тепловая точка. Здесь разбиты окна, здесь запах свежей крови. Они придут сюда через две минуты. И встречать их на узкой лестничной площадке, имея за спиной перегрев и нулевую маневренность — самоубийство с вероятностью девяносто восемь процентов.

Он перехватил стальной уголок двумя руками. Оружие было примитивным, тяжелым, с неудобной развесовкой, но пятимиллиметровая конструкционная сталь марки СтЗсп обладала достаточной массой и жесткостью.

— К тому же, — добавил Кирилл, шагая вниз по лестнице к выходу во двор, — мне нужны кристаллы. И мне нужен второй уровень. Без системного апгрейда мы не переживем встречу с людьми Бурова.

— Ты с ума сошел... — прошептала девушка, но он уже не слушал.

На пороге подъезда его встретил мороз в минус двадцать два градуса. Ледяной шквал ударил в лицо, обжигая воспаленные дыхательные пути. Кирилл с наслаждением вдохнул колющий воздух, чувствуя, как мороз остужает трахею и легкие. Но это было поверхностное охлаждение. Ядро тела оставалось раскаленным реактором.

[Температура ядра: 38,9°C. Тепловой баланс отрицательный (-0,3°C/мин).]

Слишком медленно. Если он включит постоянный разгон x3.0, он сгорит раньше, чем успеет разбить панцирь третьему скарабею.

Нужна была другая архитектура боя.

«Непрерывный режим исключен, — формулировал Кирилл, перешагивая через сугроб у крыльца и сжимая металл прута до хруста в суставах. — Если микропроцессор не может рассеять тепловыделение при постоянном турбобусте, инженеры применяют импульсный режим. ШИМ. Широтно-импульсная модуляция. Взрывной подъем частоты на доли секунды для совершения работы, мгновенный сброс в глубокий андерклокинг для рассеяния тепла через конвекцию и окружающую среду».

Скважность импульса.

Две секунды на частоте четыреста герц. Рывок, ликвидация цели, затем три-четыре секунды на базовой частоте или даже с искусственным занижением — пока ледяной сибирский воздух и снег под ногами забирают температурный пик.

Это был смертельный эксперимент на собственной нервной системе. Но на альтернативу не оставалось времени: один из скарабеев уже просунул плоскую морду сквозь разбитое боковое стекло «Дастера», и салон наполнился истошным криком мальчишки.

Кирилл сорвался на бег.

Шестьдесят метров по целине. Снег доходил до середины голени, сопротивление среды было колоссальным. Твари мгновенно засекли вибрацию почвы: антенны на головах двух задних скарабеев развернулись в его сторону синхронно, словно радары фазированной антенной решетки.

Один из них — самый крупный, с грязно-зеленым наростом на спинном щитке — издал сухой треск жвалами и развернулся навстречу Кириллу, припадая к насту перед броском.

Дистанция: десять метров. Семь. Пять.

Тварь оттолкнулась мощными задними лапами, вздымая снежную пыль, и взмыла в низком прыжке, целясь зазубренными клешнями прямо в горло человека.

«Пора».

Мысленный триггер щелкнул в подкорке.

[Команда принята: Активация режима импульсного оверклокинга.]

[Множитель частоты: x4.0.]

[Тактовая частота ядра: 400 Hz.]

[Таймер удержания: 2,0 секунды.]

Щелчок.

Мир вокруг мгновенно потерял непрерывность и рассыпался на статичные фреймы сверхвысокой частоты дискретизации.

Летающий на него скарабей замер в полуметре от земли. Кирилл отчетливо видел каждую каплю мутной кислоты, зависшую возле его раскрытых жвал, видел микроскопические зазубрины на костяных пластинах лап и кристаллики снега, выброшенные из-под брюха монстра, которые висели в воздухе, словно застывшие стеклянные бусины. Звук бурана растянулся, превратившись в утробный, инфразвуковой гул тектонического сдвига.

Кинетическая энергия пропорциональна квадрату скорости. Увеличение скорости движения тела в четыре раза дает шестнадцатикратный прирост кинетической энергии удара.

Кирилл сместился влево на полшага. В нормальном темпе это движение заняло бы треть секунды, но сейчас его тело двигалось с неестественной, пугающей резкостью сервопривода промышленного робота. Мышечные волокна сократились с такой силой, что в бедрах лопнули мелкие капилляры.

Стальной уголок пошел по восходящей дуге.

Шестнадцатикратная энергия. Четыре килограмма конструкционной стали врезались в уязвимую зону под головным щитком зависшего в воздухе скарабея со скоростью артиллерийского осколка.

Хруст прозвучал глухо, растянуто во времени: «Кxxx-rrr-aaa-ккк».

Хитиновый панцирь толщиной в два сантиметра не просто треснул — его разорвало гидростатическим ударом внутренних органов. Зеленовато-желтая гемолимфа брызнула во все стороны неподвижным веером капель. Уголок пробил грудной узел твари насквозь, сминая внутренние сочленения и дробя нервную цепочку в кашу.

Не останавливая инерции движения, Кирилл провернул корпус на опорной ноге.

Второй скарабей, стоявший на снегу в трех метрах правее, только начал поворачивать головную капсулу. В его медлительном восприятии противник все еще находился в точке начала прыжка первого монстра.

Шаг вперед. Ботинок Кирилла спрессовал снег до состояния гранита.

Второй удар пришелся сверху вниз, строго вертикально. Уголок обрушился на спинной шов инсектоида всей массой тела оператора, помноженной на сумасшедшее системное ускорение.

Металл вошел в тело твари, как колун в сухое полено, разрубая панцирь до самого брюха и вбивая обломки экзоскелета в промерзшую землю под снегом.

[Таймер импульса: 1,9 секунды... 2,0 секунды.]

[Команда: Сброс множителя. Переход в режим глубокого охлаждения (Downclock).]

[Текущая частота: 60 Hz.]

Мир с оглушительным, яростным ревом вернулся к нормальному течению времени.

Два сокрушительных удара, разделенные микросекундами, слились для внешнего наблюдателя в один раскатистый громовой хлопок разорванного воздуха. Останки первого скарабея с чудовищной силой отшвырнуло назад, и они рухнули в сугроб бесформенным месивом. Второй монстр дернулся под ногами Кирилла, из его разрубленного тела фонтаном ударила едкая жижа, проплавляя снег до черной земли.

И в этот же миг на Кирилла обрушился термический откат.

Удар в грудь был такой силы, будто ему на ребра опустили раскаленную чугунную плиту. Воздух в легких мгновенно нагрелся до состояния обжигающего пара. Сердце выдало аритмичный, панический трепет, разгоняя по телу кипящую кровь.

[Внимание: Температура ядра подскочила до 40,4°C!]

[Предупреждение: Тепловая емкость мышечного массива исчерпана!]

[Критический режим: Задействован аварийный сброс частоты (Downclock 60 Hz). Восприятие замедлено.]

Зрение на мгновение затянуло багровой пеленой. Движения Кирилла стали тягучими, заторможенными — искусственное занижение частоты тиков спасало мозг от закипания, но превращало его в легкую мишень.

Оставшиеся три скарабея отреагировали мгновенно. Смерть сородичей по феромонной связи отдалась в их примитивных ганглиях сигналом тревоги наивысшего приоритета. Бросив разбитый «Дастер», они синхронно развернулись к человеку.

Тот, что был ближе всех, щелкнул жвалами и выгнул брюхо.

Кирилл, находясь на частоте шестьдесят герц, видел движение с запозданием. Из трубчатого отростка на хвосте твари вырвалась плотная струя бурой жидкости — концентрированная муравьиная кислота вперемешку с системными токсинами.

Рефлексы инженера сработали быстрее команд заторможенного мозга. Он не стал пытаться уклониться целиком — в замедленном режиме это было невозможно. Вместо этого он выставил перед собой широкий угол стального профиля, прикрывая лицо и шею, и рухнул боком в глубокий сугроб.

Струя кислоты с шипением ударила в металл. Брызги обожгли рукав куртки, проедавая синтетику за доли секунды и вгрызаясь в предплечье химическим огнем. Но падение в снег дало главное — теплоотвод.

Кирилл буквально впечатался разгоряченным лицом и грудью в сугроб. Морозный снег зашипел, плаваясь под его телом и превращаясь в кипящую воду. Ледяная вода хлынула под расстегнутый воротник, вызывая мучительный, спазматический шок, но температура ядра резко поползла вниз.

[Внешний контакт с охлаждающей средой (H₂O, снежная фракция).]

[Теплосъем: 820 Вт.]

[Температура ядра: 39,6°C... 39,1°C...]

[Работоспособность восстановлена. Доступен следующий импульс.]

— Полторы секунды остывания, — выдохнул он сквозь зубы, чувствуя, как ледяная корка схватывается на обожженной руке. — Хватит.

Два оставшихся скарабея уже неслись на него по сугробам с двух сторон, заходя в классические клещи. Третий, отстрелявший кислоту, пятился, готовясь к новому залпу.

Женщина в машине истошно закричала, закрывая глаза руками. Парень застыл в разбитом окне, сжимая свою бесполезную палку.

Кирилл оттолкнулся от мокрой земли руками, вздымая облако пара и брызг.

[Импульсный оверклокинг: Включение.]

[Множитель: x4.0. Лимит: 2,0 секунды.]

[Частота: 400 Hz.]

Снова щелчок. Снова застывший мир, серые тени и повисшие в воздухе фонтаны снежной крупы.

Левый скарабей был в одном шаге. Его челюсти расходились в стороны, готовые перекусить человеческое бедро вместе с костью.

Кирилл не стал бить плашмя. Он перехватил уголок как копье, направив острый срез профиля прямо в открытую пасть твари. Сделал короткий, взрывной выпад вперед — шаг с подсечкой, гасящей инерцию скольжения по льду.

Острие пятимиллиметровой стали вошло точно между жвалами монстра, пробило точный нерв, вспорол спинной мозг и вышло наружу сквозь сочленение хвоста, пригвоздив дергающееся тело скарабея к асфальту под снегом.

Осталась одна секунда таймера.

Оружие застряло в кости. Выдерживать его не было времени — второй инсектоид уже был в воздухе, обрушиваясь на него сверху, выставив вперед все шесть шипастых лап.

Кирилл отпустил рукоять уголка.

Вместо удара оружием он шагнул прямо под падающую тушу, сокращая дистанцию до минимума, туда, где зазубренные лапы не имели рычага для удара. Правая рука, в которой он все еще сжимал найденный на лестнице треугольный осколок хитиновой брони сталкера, взметнулась вверх.

Осколок чужого панциря с классом прочности В-1 сработал как идеальное пробивное долото.

Кирилл вогнал его снизу вверх, в мягкую, незащищенную мембрану между головой и брюхом скарабея, и провернул кисть на девяносто градусов, распарывая сонные каналы и нервные узлы. Зеленая жижа окатила его руку, но плотная ткань перчатки и холодный хитиновый клин приняли основной удар на себя.

Тварь конвульсивно дернулась и обмякла прямо на нем.

[Таймер: 1,8 секунды... Сброс!]

[Режим: Номинал (100 Hz).]

Кирилл сбросил с себя тяжелое тело мертвого монстра и тяжело осел в снег.

Последний, пятый скарабей — тот, что плевался кислотой — замер в десяти метрах. Его перистые антенны хаотично вибрировали, считывая пустоту в феромонном поле стаи. Четыре узла связи погасли за считанные секунды. Для роевого существа с жесткой иерархической координацией это было равносильно мгновенному ослеплению и потере ориентации.

Инсектоид попятился, скребя лапами по ледяной корке, развернулся и попытался рвануть в сторону заснеженных гаражей на краю двора.

Кирилл не стал гнаться за ним на своих двоих.

Он с хрустом выдернул стальной уголок из прищипленной к земле туши третьего монстра, развернулся всем корпусом, вкладывая в бросок остаточный импульс остывающих мышц, и метнул тяжелую стальную балку вперед, как турнирное копьё.

Уголок, вращаясь в воздухе, пролетел десять метров и с глухим, чавкающим звуком вошел бегущему скарабею прямо под хвостовой щиток. Монстра буквально прибило к сугробу, перевернуло через голову и впечатало в ржавый металлический забор детской площадки. Лапы твари еще несколько секунд судорожно скребли по мерзлой сетке-рабице, высекая искры, а затем затихли.

На двор опустилась абсолютная, звенящая тишина.

Только завывал ветер в проводах над головой, да испуганно всхлипывала женщина в салоне разбитого «Дастера».

Кирилл стоял посреди поля боя, опустив руки. С его одежды валил пар, словно от раскаленного радиатора, в который плеснули ледяной воды. Вокруг него на снегу дымились пять кучек серого пепла, сквозь которые пробивалось мягкое мерцание системных кристаллов.

Перед глазами, прорезая серую мглу новосибирского полудня, развернулся сияющий золотисто-синий каскад символов:

[Лог боя: Уничтожена группа сущностей «Пещерный Скарабей, 2 ур.» — 5 шт.]

[Начислено опыта: 250 Единиц.]

[Внимание: Достигнут порог инициализации.]

[Поздравляем! Получен 2-й уровень оператора!]

[Статус оператора обновлен:]

[Уровень: 2 (Опыт: 270/500)]

[Доступно свободных очков распределения характеристик: 2]

[Базовая вычислительная мощность (Тактовая частота): 100 Hz -> 110 Hz]

[Пассивное рассеяние тепла (Базовый TDP): 95 Вт -> 105 Вт]

[Получено трофеев: Малый Системный Кристалл (Серый) — 5 шт.]

[Получено трофеев: Железа Кислотной Секреции — 1 шт.]

Два свободных очка характеристик. Прирост базовой частоты на десять герц и увеличение пассивного теплопакета на десять ватт.

«Десять ватт... — Кирилл криво усмехнулся, ощущая, как ноют перегруженные сухожилия. — Какая щедрость Системы. Десять ватт при пиковом тепловыделении в шесть киловатт. Это даже не капля в море. Это попытка остудить мартеновскую печь чайной ложкой талой воды».

Стекло «Дастера» опустилось до конца, и из салона, запинаясь о помятую дверь, вывалился паренек. На вид ему было не больше пятнадцати. Лицо в саже и царапинах, лыжная палка выпала из онемевших пальцев в снег. Он во все глаза смотрел на Кирилла — на его дымящуюся одежду, на обожженное лицо, на кучи пепла и торчащий из забора стальной уголок.

— Вы... вы кто? — выдавил мальчишка дрожащими губами. — Военный? Из спецназа?

Следом из машины, шатаясь, выбралась женщина. Пуховик на плече был прожжен кислотой, из-под прорехи торчал серый синтепон, но сама она была цела.

— Господи... сынок, отойди от него, — пробормотала она, протягивая руки к парню, но не сводя дикого, полного суеверного ужаса взгляда с Кирилла. — У него... у него глаза светятся.

Кирилл моргнул. В зеркальной поверхности уцелевшего бокового зеркала кроссовера он на долю секунды перехватил собственное отражение: зрачки были расширены на всю радужку, а по краям склер пульсировали тончайшие, как волокна паутины, неоновосиние капилляры активного системного оверклокинга.

— Заткнитесь, — глухо бросил он, подходя к останкам тварей и методично собирая выпавшие кристаллы. Камни исчезали в кармане куртки, отзываясь сухим костяным стуком. — Машина на ходу?

Женщина всхлипнула, машинально качая головой:

— Н-нет... Радиатор пробит. Колеса спереди съели... кислотой разъело диски... Мы из Академгородка ехали, к родителям на Богданку... На Бердском шоссе военные все перекрыли, там танки стреляли, чудовища из земли лезли... Мы через дворы...

— Если останетесь здесь — сдохнете через двадцать минут, — Кирилл подошел к забору, уперся ногой в мерзлую сетку и с рывком выдернул свой стальной уголок. Оружие покрылось тонкой коркой запекшейся черной слизи, но геометрия профиля не пострадала. — В подъезде дома напротив тепло. Второй этаж, квартира четыре. Там девушка, ее зовут Диана. Скажите, что от меня. Сидите тихо, двери забаррикадируйте. Если на улице появятся люди в камуфляже с белыми повязками — на глаза не показывайтесь. Это банда Бурова. Они хуже этих жуков.

— А вы? — мальчишка подался вперед. В его взгляде страх начал уступать место слепому, фанатичному восхищению подростка перед несокрушимой силой. — Вы куда?

— За запчастями, — отрезал Кирилл.

Он развернулся и зашагал обратно к темному зеву подъезда.

Его шаги были размеренными, тяжелыми, но внутри черепной коробки шла лихорадочная, безжалостная аналитическая работа.

Импульсный режим спас ему жизнь. Две секунды работы на пределе — и откат. Но сегодня ему противостояли тупые животные, лишенные дальнобойного оружия и тактического интеллекта. Они перли по прямой, позволяя прогнозировать траектории с точностью до миллиметра.

Буров и его боевики стрелять будут из автоматов. Пуля калибра 5,45х39 покидает ствол АК-74 со скоростью девятьсот метров в секунду. Чтобы уйти с линии огня очереди, выпущенной с двадцати метров, разгона $\times 3.0$ не хватит физически. Нужен разгон $\times 5.0$. Пятьсот герц.

При пятистах герцах тело станет сверхзвуковым снарядом, но выделит такое количество тепла, что внутренние органы просто сварятся за полторы секунды.

Естественное охлаждение мертво. Окружающий воздух с его жалкими минус двадцатью градусами не спасает, потому что теплопередача через кожу ограничена физикой биологических тканей.

«Тепловые трубки, — думал Кирилл, поднимаясь по обледенелым ступеням крыльца. — Фазовый переход. Замкнутый контур. Медный термоинтерфейс с прямым контактом к крупным кровеносным сосудам. Бедренные артерии. Яремная вена. Подмышечные узлы».

Ему нужен был портативный радиатор жидкостно-испарительного типа, интегрированный прямо в тело. Экзо-кулер, способный сбрасывать киловатты избыточной мощности в окружающую среду быстрее, чем поднимется температура ядра.

Диана сказала, что ее отец работал в Институте теплофизики. И что в его кладовке лежат стендовые образцы.

Кирилл толкнул дверь подъезда и шагнул в полумрак лестничной клетки.

Времени не оставалось. Системный сбой нулевого дня набирал обороты, и если он хотел пережить эту ночь в замерзающем Новосибирске, ему предстояло превратить свое тело из хрупкого биологического сосуда в разогнанную, хладнокровную боевую машину.

Глава 5. Инженерное выживание

Морозный воздух резал бронхи, будто измельченное техническое стекло. В Новосибирске термометры застыли на отметке минус двадцать четыре, но после прорыва аномалий субъективная температура казалась куда ниже. Влажность подскочила: из глубоких трещин в асфальте Красного проспекта, расщелившихся дорожное полотно до самого скального грунта, мерными толчками выбивался густой белесый туман. Он пах не серой и не гарью — он пах сырым озоном, перегретым текстолитом и той специфической металлической кислотой, которая оседает на зубах при коротком замыкании высоковольтной шины.

Кирилл перешагнул через покореженный бампер брошенного кроссовера, прижимаясь к обледенелой кирпичной стене девятиэтажки. Сверху, с высоты четвертого этажа, свисала гирлянда замерзших кабелей витой пары и оптоволокну, перебитых падающей бетонной плитой. Провода тихо звенели на ледяном ветру, словно струны расстроенного инструмента.

Перед глазами в полупрозрачном нижнем квадранте периферийного зрения висел немигающий интерфейс:

[Система: Аппаратный статус пользователя]

[Базовая частота ядра: Tick_Rate = 100 Hz]

[Множитель: Clock_Multiplier = x1.0]

[Текущая температура ядра: Core_Temp = 36.6°C]

[Тепловыделение в покое: TDP = 95 W]

[Критический порог денатурации белков: T_Max = 42.0°C]

[Буфер теплоемкости биомассы: 184 кДж до отказа систем]

— Сто герц, — пробормотал Кирилл сквозь зубы, пряча подбородок в воротник плотной штормовки. — Стандартный опрос периферии. Слишком медленно. Любая пуля быстрее нервного импульса на три порядка.

Биологическая тушка человека была чудовищно неэффективным вычислительным комплексом. Обычный человек в штатном режиме обрабатывал визуальные стимулы с задержкой в двести миллисекунд. Рефлекторная дуга — от болевого рецептора на кончике пальца до спинного мозга и обратно к мышечному волокну — жрала не меньше шестидесяти миллисекунд. В условиях, когда ткань реальности дала трещину, а физические константы локального про-

странства начали перезаписываться системными протоколами нулевого дня, подобная латентность означала гарантированный смертный приговор.

Импульсный оверклокинг до трехсот герц позволил ему срезать тварей на лестничной клетке. Но цена была запредельной. Два коротких рывка по полторы секунды — и температура тела подскочила до тридцати девяти и четырех. Кровь застучала в висках отбойным молотком, зрение по краям затянуло кровавой сеткой лопнувших капилляров, а в горле пересохло так, словно он наглотался толченой извести.

Человеческое тело не имело кулера. Эволюция создала потоотделение для неспешного бега за мамонтом по саванне, а не для рассеивания киловаттных тепловых всплесков, когда биологические мышцы под управлением ускоренных системных тиков сокращаются с плотностью энергии авиационного стартера.

Кирилл остановился за углом массивного здания торгово-развлекательного комплекса. Вывеска «Сибирский Молл» наполовину осыпалась: неоновые буквы «С», «И» и «М» валялись на тротуаре, втопанные в грязный снег. Панорамные витрины первого этажа были выбиты наружу, словно изнутри здания ударила взрывная волна.

В полумраке главного атриума царил первобытный хаос.

Люди вели себя в точности так, как предсказывали алгоритмы панического сбоя в распределенных сетях без центрального координирующего узла. Они бессмысленно метались, разбивая витрины тех отделов, которые не имели никакой практической ценности для выживания при минус двадцати. Двое рослых мужиков в расстегнутых пуховиках надсадно матерились, пытаясь выволочь через разбитую секцию дверей коробку с шестидесятипятидюймовой OLED-панелью. Пенопласт трещал, картон рвался об острые края осколков триплекса, один из мародеров распорол предплечье и яростно сплевывал кровь прямо на коробку.

Чуть дальше, у разграбленного продуктового супермаркета, трещали автоматные очереди. Банда местных люмпенов делила паллеты с тушенкой и водкой, стреляя в потолок из охотничьих ружей и разгоняя обезумевшую толпу визжащих горожан.

Ни один из них не смотрел на второй ярус. Ни один не понимал, что энергетическая инфраструктура города уже мертва, подстанции горят, а телевизор через сорок восемь часов будет годиться лишь на то, чтобы закрыть дыру в разбитом окне.

Кирилл скользнул в темный проем служебного входа, стараясь не наступать на битое стекло. Подошвы тактических ботинок мягко глушили шаг.

Его цель находилась не на продуктовых складах и не в оружейном бутике, куда сейчас ломились вооруженные гладкостволом бандиты Бурова. Его цель располагалась на втором этаже, в глубине галереи электроники — авторизованный сервисный центр и флагманский склад «DNS-Техно».

В торговом зале супермаркета компьютерной техники было тихо, как в склепе. Здесь пахло свежей типографской краской от упаковок, кремнием и холодным пластиком. Мародеры успели пройти и здесь, но их примитивный интеллект искал готовые решения: полки со смартфонами и легкими ультрабуками Apple были сметены начисто. Стекланные витрины с наушниками и портативными колонками стояли разбитыми.

Но зона комплектующих для энтузиастов осталась нетронутой. Для перепуганного обывателя тяжелые металлические радиаторы, странные медные конструкции и шприцы с пастой были просто бесполезным хламом, который нельзя съесть, натянуть на себя или мгновенно обменять на дозу спиртного.

Кирилл перемахнул через стойку выдачи заказов и ногой выбил хлипкую фанерную дверь с табличкой «Служебный вход. Посторонним вход воспрещен».

За дверью открылось инженерное святилище. Длинные антистатические столы, синие коврики с заземляющими браслетами, паяльные станции с фенами, цифровые микроскопы,

ряды прозрачных пластиковых боксов с отсортированным крепежом. А вдоль дальней стены — металлические стеллажи зоны гарантийного ремонта серверного оборудования.

— Так, — прошептал Кирилл, и его дыхание осело густым паром на холодном металле полок. — Инвентаризация. Посмотрим, из чего здесь можно собрать теплоотвод.

Он сбросил рюкзак на верстак, смахнув в сторону разобранную материнскую плату, и принялся методично вскрывать заводские коробки.

Пальцы двигались с хирургической точностью. Первое, что он выдернул из глубины стеллажа — две огромные коробки с надписью «Thermalright Silver Arrow IB-E Extreme» и серверные пассивные радиаторы формата 4U от стоечных плат Supermicro. Это был чистый восторг материаловедения: массивные основания из электролитической меди марки C1100, зеркально отполированные, покрытые тончайшим слоем никеля для защиты от окисления, и частокол тонких, словно бритвы, алюминиевых ребер с микроперфорацией для создания турбулентных завихрений воздуха.

Но главное сокровище скрывалось в ящике с компонентами кастомных систем жидкостного охлаждения и стендовых модификаций.

Кирилл выгреб на стол шесть комплектов медных тепловых трубок диаметром восемь миллиметров. Не дешевые гладкостенные пустышки, а профессиональные образцы с внутренней структурой из спеченного медного порошка — капиллярный фитиль высочайшей плотности. Такие трубки работали против гравитации в любом пространственном положении: жидкость внутри них циркулировала за счет капиллярных сил с невероятной скоростью, обеспечивая фазовый переход теплоносителя с теплопроводностью, в сотни раз превышающей теплопроводность сплошного медного прутка аналогичного сечения.

Следом на стол легли четыре продолговатых серых шприца «Thermal Grizzly Conductionaut». Жидкий металл. Эвтектический сплав галлия, индия и олова. Теплопроводность — семьдесят три ватта на метр-кельвин. Для сравнения: лучшая стандартная кремний-органическая термопаста давала от силы восемь с половиной.

Рядом легли рулоны армированного кевларовой нитью скотча, эластичные бинты из сервисной аптечки, тубик термоклея, ножницы по металлу и ручной трубогиб для медных трубок малого радиуса.

[Внимание: Инженерный анализ окружения завершен]

[Обнаружены совместимые компоненты теплообменного контура]

[Системная интеграция: доступно создание нестандартного артефакта]

[Требуется подтверждение расчетной схемы]

— Подтверждаю схему, — выдохнул Кирилл.

Времени на академические размышления не было. Он сорвал с себя куртку и толстый свитер, оставшись в одном тонком термобелье из полиэстера. Мороз сервисного зала мгновенно укусил за плечи, кожа покрылась мурашками, но Кирилл даже не вздрогнул. Его мозг уже работал в режиме блочной блок-схемы.

В человеческом организме циркулирует около пяти литров крови. Сердце работает как поршневой насос переменной производительности. Кровь — великолепный теплоноситель на водной основе с высокой удельной теплоемкостью: примерно 3.8 килоджоуля на килограмм на градус. Главная проблема перегрева при системном разгоне заключалась в том, что тепло генерировалось в глубоких тканях — в мышечных волокнах и нейронах головного мозга. Кровь перегревалась, не успевая отдавать тепло через кожу, и начинала варить гипоталамус, печень и почки.

Следовательно, точку съема тепла нужно организовывать там, где магистральные кровеносные сосуды подходят максимально близко к поверхности тела.

Лучевые артерии на запястьях. Сонные артерии на шее вдоль грудино-ключично-сосцевидной мышцы.

Кирилл щелкнул ножницами по металлу. С хрустом разрезав медную пластину толщиной два миллиметра, он вырезал четыре овальные теплораспределительные площадки размером пять на три сантиметра. Края аккуратно загладил мелким напильником, убирая заусенцы.

Наносить жидкий металл прямо на кожу было смертельно опасно: сплав галлия токсичен при попадании в микropopы, разъедает клеточные мембраны и вызывает химические некрозы. Инженерное решение требовало буферной прослойки.

Кирилл достал из упаковки ультратонкую графеновую термопрокладку толщиной всего ноль целых два десятых миллиметра. Она обладала эластичностью резины и колоссальной теплопроводностью вдоль плоскости.

Первая фаза монтажа.

Графеновая подложка легла прямо на внутреннюю сторону левого запястья, накрыв пульсирующую лучевую артерию. Поверх нее Кирилл выдавил каплю жидкого металла, аккуратно размазал ее черным ватным аппликатором по зеркальной поверхности медной пластины и прижал медь к запястью.

Холод металла отозвался резкой болью, отдающей в кость.

— Нормально, тепловой контакт установлен, — сквозь зубы процедил Кирилл.

С помощью ручного трубогиба он изогнул две восьмимиллиметровые тепловые трубки. Нижние концы — зоны испарения — были расплющены в тисках до плоского профиля и намертво прижаты к внешней стороне медной пластины с помощью термоклея и стальных винтовых хомутов. Сами трубки плавно огибали предплечье с наружной стороны, поднимаясь к локтевому суставу.

Там, на тыльной стороне предплечья, где при движениях руками ничего не мешало механике суставов, Кирилл смонтировал радиаторный блок. Он взял распиленный надвое радиатор от серверного процессора. Сорок тонких алюминиевых ребер встали вдоль руки, создавая идеальный радиаторный парус.

Второй контур — шея. Самый опасный, но жизненно важный узел. Мозг перегревался первым. Когнитивный отказ наступал при сорока одном градусе.

Две тонкие медные скобы, анатомически изогнутые по форме шеи, легли поверх сонных артерий через изолирующие прокладки. От них гибкие тепловые трубки уходили за спину, смыкаясь на массивном радиаторном щите, который Кирилл закрепил между лопаток с помощью эластичных лент и кевларового скотча.

Это не выглядело как изящный экзоскелет из фантастических фильмов. Это выглядело как грубый, ошетилившийся металлом постапокалиптический протез. Из-под рукавов термобелья торчали никелированные ребра охладителей, вдоль шеи блестела медь, а на спине висел килограмм серверного алюминия.

Кирилл туго затянул последний виток армированного скотча на правом запястье, фиксируя второй радиатор. Пальцы чуть онемели от сдавливания, но пульсация под медными пластинами ощущалась четко, ритмично, тяжело.

Перед глазами вспыхнула цепочка золотистых рунических строк, прорезавших серое системное марево:

[Лог: Зафиксировано создание нештатного материального контура]

[Анализ структуры... Элементы: Медь C1100, Спеченный капиллярный порошок, Фазовый переход H₂O/Вакуум, Эвтектика Ga-In-Sn, Алюминий 6061]

[Эффективность теплоотвода: 450 W/K]

[Термическое сопротивление контакта: $R_{th} = 0.08 \text{ }^{\circ}\text{C/W}$]

[Система регистрирует артефакт: «Биомеханический теплообменный контур v0.1» (Качество: Инженерный прототип)]

[Интеграция с веткой навыков «Аппаратный Оверклокинг» подтверждена]

[Разблокирован пассивный модификатор: «Вынужденная конвекция». Сброс тепла пропорционален скорости движения окружающего воздуха]

— Получилось, черт возьми... — Кирилл глубоко вздохнул, расправляя плечи. Вес конструкции составлял около двух с половиной килограммов, но баланс тела практически не нарушился.

Он натянул сверху штормовку, предварительно распоров рукава с внешней стороны строительным ножом, чтобы ребра радиаторов свободно обдувались внешним воздухом. Радиатор на спине выходил наружу через вертикальный разрез на куртке.

Пришло время стресс-теста.

В синтетических тестах железо гоняют часами. В условиях Системного сбоя у него не было даже пяти минут.

Кирилл встал посреди сервисного зала, уперся ногами в бетонный пол и сфокусировал внимание на внутреннем командном регистре.

[Внимание: Вызов функции изменения множителя частоты]

[Предупреждение: Значение множителя выше x3.0 сопряжено с риском необратимой деградации биологических проводников]

[Запрос: Установить $\text{Clock_Multiplier} = x5.0?$]

[Текущая расчетная частота: 500 Hz]

[Подтверждение: ДА / НЕТ]

— Да, — скомандовал он мысленно. — Пуск!

Реальность лопнула со звуком рвущегося мокрого брезента.

Звук шагов мародеров на первом этаже, глухие удары, свист ветра в вентиляционных коробах — все это мгновенно завязло, растянулось в сверхнизкий, инфразвуковой гул и исчезло.

Мир замер.

Пылинка, летевшая в луче тусклого света из окна, остановилась в воздухе, словно замурованная в прозрачный янтарь. Искры от перебитого кабеля под потолком застыли крошечными рубиновыми каплями, не опадая вниз.

Кирилл сделал шаг вперед. Воздух вокруг тела стал густым, словно патока, оказывая колоссальное аэродинамическое сопротивление. На частоте в пятьсот герц его субъективное время ускорилося в пять раз. Каждая секунда реального мира растянулась для его сознания в пять полновесных секунд абсолютного тактического контроля.

[Оверклокинг: Частота 500 Hz активна]

[Текущее тепловыделение: TDP = 2650 W]

[Термоконтроль: Всплеск тепловой энергии в мышечных волокнах!]

[Фазовый переход активирован!]

В ту же долю секунды под медными пластинами на шее и запястьях вспыхнуло яростное, обжигающее пламя.

Кровь, мгновенно нагретая работающими на пятикратной частоте мышцами, ударила в лучевые артерии. Но тепло не пошло обратно к сердцу и мозгу. Оно со всей сокрушительной силой градиента температур устремилось в медь, преодолевая минимальное термическое сопротивление жидкого металла.

Запястья обожгло так, будто к ним прижали раскаленный утюг. Кирилл стиснул зубы до крошева эмали, удерживая сознание в фокусе.

Внутри герметичных медных трубок произошел микровзрыв.

Вода, находившаяся внутри капиллярной структуры при пониженном давлении, вскипела при температуре тридцать пять градусов Цельсия. Пар с околосвуковой скоростью ринулся по трубкам от запястий к внешним радиаторам на предплечьях. Достигнув зоны конденсации, пар мгновенно отдал скрытую теплоту парообразования алюминиевым ребрам и сконденсировался обратно в жидкость, которую спеченный медный порошок фитиля тут же погнал обратно к зоне нагрева.

Из прорезей на рукавах куртки с сухим шипением вырвались две струи перегретого пара!

Наружные ребра радиаторов раскалились до такой степени, что попадавшие на них снежинки и конденсат из воздуха с треском испарялись, окутывая предплечья Кирилла белым туманным ореолом.

[Термоконтроль: Тепловой баланс стабилизирован!]

[Сброс тепла через радиаторы: 2100 W]

[Дельта температур: $T_{Core} = 38.2^{\circ}\text{C}$ (Нормальный эксплуатационный режим под нагрузкой)]

[Температура сонных артерий: 37.1°C]

[Критический троттлинг предотвращен]

[Лимит непрерывной работы на частоте 500 Hz увеличен: 15.4 секунды!]

Пятнадцать секунд!

В базовом режиме без охлаждения он сварился бы за полторы секунды. Две секунды означали отек мозга и кому. Теперь же он получил целых пятнадцать секунд богоподобного превосходства в скорости! На пятистах герцах пятнадцать секунд — это вечность. За это время можно было расстрелять два магазина, перезарядиться, сменить позицию и перерезать горло целому взводу противника.

Кирилл плавно сбросил множитель.

[Оверклокинг: Сброс частоты до базовой]

[Clock_Multiplier = x1.0]

[Tick_Rate = 100 Hz]

Мир с оглушительным грохотом обрушился обратно на барабанные перепонки. Пылинка упала на пол, искры под потолком с треском осыпались на стеллаж, завывание ветра за окном снова стало непрерывным и монотонным.

Кирилл стоял посреди зала, тяжело и глубоко дыша. Сердце колотилось со скоростью сто двадцать ударов в минуту, но в голове не было той губительной, липкой тупости теплового удара, которая едва не убила его в подъезде. Мысли оставались прозрачными, холодными, выверенными.

Тепловые трубки на предплечьях все еще тихо потрескивали, остывая на морозном сквозняке. Аллюминиевые ребра отдавали остаточное тепло в воздух, согревая онемевшие пальцы рук.

— Первый рабочий прототип готов, — негромко произнес Кирилл, проверяя затяжку хомутов. — «Кулер ноль-один». Жить можно.

Он вернулся к верстаку, быстро скинул в рюкзак оставшиеся шприцы с жидким металлом, три нетронутых радиатора, бухту капиллярных трубок, ручной инструмент и цифровой инфракрасный пирометр. Все это было топливом его новой жизни. Если Буров думал, что огнестрельное оружие и численное превосходство делают его хозяином этого сектора города, то бывшего инженера-схемотехника ждал крайне неприятный сюрприз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.